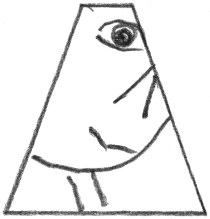

Фотис Тебризи

ЧЕРНОЕ СОЛНЦЕ ЭРОСОВ

Москва

2009

Мемориальная серия «Русского Гулливера»

Руководитель проекта *Вадим Месяц*

Главный редактор серии *Андрей Тавров*

Оформление серии *Маргарита Каганова*

Фотис Тебризи (монах Елисей)
Черное солнце эросов. Книга стихотворений / «Русский Гулливер». — М.: Центр современной литературы, 2009. — 140 с.

ISBN 978-5-91627-029-7

© Ф. Тебризи (монах Елисей), 2009
© А. Тавров, предисловие, 2009
© Д. Поспелов, подготовка текста по рукописи, 2009
© Русский Гулливер, 2009
© Центр современной литературы, 2009

Фотис Тебризи (монах Елисей) родился в Узбекистане (Самарканд, 1972), наполовину грек, наполовину русский. Провел несколько лет на горе Афон — древнейшем монашеском «полисе» в Греции, известном подвижнической практикой молчальников-исихастов, в послушании у знаменитого старца Симеона (†2001), который – случай небывалый – сразу принял странника в ученики и охотно передавал ему то, что постиг сам. Через некоторое время после смерти старца Тебризи покидает монастырь, и след его теряется.

Свободно писал на нескольких языках, включая греческий и русский. Поэзия Фотиса — поэзия полиглота. Огромное влияние оказал на его духовный и поэтический опыт великий суфийский поэт и визионер Руми, в честь друга и учителя которого, Шамса из Тебриза, взят псевдоним «Тебризи».

Фотис погиб в 2003 году в Турции.

Книга «Черное солнце эросов» — первая публикация из обширного наследия Фотиса.

Территория солнца

Знакомясь с поэзией Фотиса Тебризи (монаха Елисея, †2003), вспомним высказывание наблюдателя за литературами мира[1] о том, что лирик — легендарен, а эпик — анонимен. Это значит, например, что про жизнь Гомера нам ничего не известно, да и большого желания узнавать отчего-то нет, даже непонятно, жил ли такой человек на свете или это всего лишь некий условный образ и условное имя. А вот жизнь, скажем, Катулла, обрастает легендами и вымыслами и привлекает читателя не меньше, чем сами его, чудом сохранившиеся стихи. То же самое можно сказать про Франсуа Вийона, Сапфо или Есенина. В этот же светоносный и трагический отряд входит и Фотис — его жизнь и его стихи.

На сегодняшний день нам о нем известно немного: родился в Узбекистане (Самарканд, 1972), исконно мусульманской культурной территории, наполовину грек, наполовину русский, в один прекрасный день он появляется на горе Афон — древнейшем монашеском «полисе» в Греции, известном подвижнической практикой молчальников-исихастов, и проводит там несколько лет в послушании у знаменитого старца Симеона (†2001), который — случай небывалый — сразу принял странника в ученики и охотно передавал ему то, что постиг сам.

Дальше идут картинки причудливо легендарные, интригующие и довольно-таки неправдоподобные. Его могли видеть вечером на краю обрыва, застывшего над морем в молитве, и наутро он оставался там же и в той же позе. Или стоял, обвешанный котами, как гирляндами — просто стоял и непонятно не то, зачем обвешался, а то, что они так и висели на нем, никуда не сбегая, словно вслушиваясь в общую с ним жизнь.

Потом, после смерти старца, покидает монастырь, оставив в келье и раздарив друзьям несколько толстых тетрадей со стихами (сборники «Солнце черных эросов», «Белоснежный Мальчик», «Путь монаха») и романом «Радость от победы над Танатом». Через некоторое время его находят в Турции на дороге, мертвого, как и положено страннику, которым он был, как и все они — Вийон, Хлебников, Мандельштам...

Все они были устроены так, что уходили не просто в тишину, а оставив взамен себя, как это первым сделал Лин-певец, говорящее пространство, незримый световой короб, полный словами и музыкой — стихи.

Для того, чтобы правильней настроится на чтение стихов Фотиса, следует иметь в виду несколько простых вещей. Прежде всего — это поэзия духовная. Причем, это не просто «стихи о Боге», а скорее «роман в письмах», поэтический дневник непривычных, странных, неистовых и сми-

---

[1] Г. Гачев.

ренных отношений бесконечной любви между человеком и Творцом. Все стихи либо обращены в любовном признании к Возлюбленному, либо выстроены на фоне Его молчаливого присутствия. И это не «литература» — скорее стенограмма, синхронная озвучка в рифму и на бумаге происходящего, которое словом не взять, но совсем промолчать тоже не удается, потому что мощь, которая входит в тебя вместе с Присутствием настолько переполняет и тебя и мир, что чувства при произнесении загустевают, как птичьи следы, в слова и знаки.

Это поэзия о Боге и больше ни о чем. А значит обо всем в мире — от всплеска волны до смертного хрипа. И слушают ее прежде всего те, среди которых и с участием которых эти строки возникали — целый бестиарий земного рая — кошки, цикады, рыбы, осьминоги, мотыльки, бабочки, летучие мыши, львы, пантеры, кузнечики, змеи, газели, горлицы, пчелы. И мотыльки, и еще мотыльки, и опять они же. К этому еще стоит вернуться...

Тем не менее, поэзия послушника-странника возникла не в пустом культурном и поэтическом пространстве, а развернулась в русле трех великих культурных традиций — русской, греческой, и суфийской. Греческая, которая во многом предшествовала русской и во многом определила ее развитие, наделив литературным и книжным языками — прежде всего церковнославянским, вобравшим в себя синтаксис, поэтику византийских религиозных гимнов, — отзывается в поэзии Фотиса множеством многокорневых неологизмов, подобных кальке с греческого из акафиста Божией Матери «благосеннолиственная», звучит именами героев Троянского эпоса, перекликается со знаменитой практикой «плетения словес», рожденной в византийских монастырях. Но тут следует сделать одно замечание. Если, скажем, величавый духовный эпос «Канона покаянного» св. Андрея Критского, выполненный в той же поэтической технике и звучащий во время приготовления к Великому Посту по всем русским церквам, если он устами своего автора и ведет повествование от первого лица, то это первое лицо достаточно расширено, достаточно космично для того, чтобы любой кающийся мог отождествить себя с ним. Проще говоря — оно условно, обобщено. И каждый в церкви произносит эти строки про себя, как относящиеся уже не к грехам неведомого монаха, а к нему лично. Так же дело обстоит и в других образцах литературы «плетения словес», например, в книге «Скорбных песнопений» Григора Нарекаци, которую армяне до сих пор во время болезни, часто смертельной, кладут себе под подушки и выздоравливают.

Но у Фотиса — по-другому. Он, и только он, признается Творцу в любви, страдает от одиночества, ревнует, жалуется, сокрушается. Поставить читателя на его место это все равно, что поставить его на место Вийона или Цветаевой. То есть поставить-то, конечно, можно, но отождествить не удастся, очень уж личная история, да и нетипичная. И потом, кто же сейчас будет «подставляться» в историю не секса, не пламенной даже влюбленности в очередную деву, а — в Бога? Такое шокирует.

Такое хорошо читать с помощью добротного комментария в Библии, в книге «Песнь Песней», такое всегда происходило давно и не с нами, происходило в сказках, мифах, смутно помнится, что с некоторыми отцами Церкви, в «изветшавших» библейских историях, да и то не часто, хоть в Библии и сказано, что «Бог есть любовь» и что эта любовь «сильна как смерть». Хоть в ней и сказано, что «если я любви не познал, то я медь звенящая и кимвал звучащий», одним словом — ничто, сплошная фальшь. Но кто же сейчас воспримет это безыскусно, вне литературного — понарошку — контекста? Применить это к себе? Да не сходите ж, Боже мой, с ума!

Поэтому я еще раз хочу напомнить, что главное у Фотиса не литература, а то, что ее порождает — неведомое, непостижимое, «черное солнце» — линия бесконечного совпадения и размежевания Бога и человека, линия подлинности, линия, которая отпечатывает след тебя настоящего, как линия волны отпечатывает границу суши и моря на Юрмальском песке.

И здесь Фотис перекликается сразу с двумя ветками христианской мистики — восточной, представленной творениями Дионисия Ареопагита и «Гимнами божественной любви»[1] св. Симеона Нового Богослова (тяготеющими, скорее, к глубоко сверхличностным переживаниям, чем к субъективному, «сентиментальному» чувству) и очень личной поэзией и гимнографией западных христиан-мистиков — например, Хуана де ла Круса и Терезы из Лизье.

Из Греции же у Фотиса — благодатная Дионисическая волна, из которой выросла великая греческая трагедия — «виноград», предшествующий не только европейскому театру, но и по замечанию знатока античности профессора Ф. Ф. Зелинского, и самой христианской Литургии. Потому что, как писал Зелинский, тем, чем был для евреев Ветхий Завет, для христиан Европы была античная культура с ее мифами и мистериями, предчувствовавшими воплощение Сына Божиего.

Здесь хочется сказать о природе слова у Фотиса. XX век прошел под знаком обожествления речи и обоготворения слова. Эта тенденция была всего лишь продолжением Ницшевского «Бог умер», хотя и претендовала на новизну. Но вот что интересно — вослед за обожествлением слова, оно, это слово, эта речь стали утрачивать энергию и правду, стали утрачивать подлинность. Они уже не исцеляли тех, кто мог бы положить томик Дерриды или Нобелевскую речь Бродского под подушку.

У Фотиса слово не Бог и даже не «бог» с маленькой буквы — это человеческое слово, человеческая речь — тайная или явная, стихотворная или устная, которая *пребывает на фоне Бога*. И в этой скромной позиции размежевания она обретает все большее достоинство и мощь. Эта мощь лишь

---

[1] Букв. *Эросами божественных гимнов* (ἔρωτες τῶν θείων ὕμνων). Вероятно, именно отсюда Фотис позаимствовал название для своего сборника стихов «Солнце черных эросов».

возрастает, когда слова уходят, потому что они всего лишь человеческие, и в тишине, когда от мира отъято все лишнее, все лишние звуки и все внешнее, остается лишь бесконечная живая Пустота, немыслимая сердечная глубина, в которой открывается Начало Начал и не кого-нибудь, а тебя самого заодно со всеми созданными Творцом мирами:

Любимый отец, да умолкнут слова,
Они затеняют все то, что познала душа.

Суфийская культура сквозит в форме многих стихотворений Фотиса, написанных в жанре восточной любовной поэзии, газели, во множестве персидских и арабских слов, в самом псевдониме Фотис Тебризи, отсылающим к великому суфийскому поэту Джалаледдину Руми (1207–1273), учителем которого был таинственный Шамс-э Табриз († 1242?). Но, самое главное — именно в практике суфиев на первом месте стоит пламенная любовь человека к личностному Богу, которого дервиш называет Возлюбленным или Возлюбленной, намеренно путая пол, а саму любовь — вином, что нам, христианам, достаточно близко по таинству Евхаристии, где вино становится присутствием Бога-любви.

Т*ы сладкое вино взрастил в лозе Своей,*
Воздерживался я, но ныне не сумею.
Поет над Чашей нежно соловей.
Воздерживался я, но ныне не сумею.
Я безутешен был, склонился Ты ко мне.
Воздерживался я, но ныне не сумею.
Утешил Ты меня, душа моя в Вине.
Воздерживался я, но ныне не сумею.
Из глаз моих исчез, как аромат из роз.
Воздерживался я, но ныне не сумею.
В моей крови — Ты весь, щека влажна от слез.
Воздерживался я, но ныне не сумею.

Поэтому многие банальности, вроде «вина любви», «жемчугов» или «кинжала» следует воспринимать не как дурновкусие поэта, а как опознавательные знаки великой восточной поэзии любви. И только так. И тут не стоит забывать, что автор был многоязычен и смещался в языковых пространствах, как вширь, так и из прошлого в будущее языков и литератур — как в одной, хотя и сложной территории. Вообще, поэзия Фотиса

словно соткана не из прямых значений слов, а из слов-опознаваний, не хочется говорить, что символов, хотя задействована прежде всего символическая природа слов-обозначений. И все же «слов-опознаваний» будет сказать вернее. Кто же или что здесь опознается? Первореальность. Бог. Глубина человеческого сердца. Великое Единое.

Я стоял на улочке Урано́полиса.
Тихо тени сменяли день.
Ветер с моря смешался
С ароматами томных цветов.
Зной уступал дуновению,
Волнующему древо старой камелии,
Пунцовые цветы которой
Ждали Тебя, Возлюбленный.

Ветер, зной, древо, цветы — все эти слова-символы становятся опознавательными знаками, потому что предчувствуют присутствие Возлюбленного, присутствие Единого подлинного. Язык, сам язык поэта формируется, составляется и «прогибается» таким образом, чтобы он работал как сверхчуткий улавливатель и опознаватель этого Присутствия, и это происходит как на словарном уровне, так и на синтаксическом. Можно сказать, что речь поэта, ее состав и поэтика подстраиваются под внеязыковую волю экстатической, почти вакхической любви-влюбленности и тут же, по ходу дела формируются ей. И еще, что речь поэта подлаживается к Богу, как маска к лицу.

И только на этом фоне становится ясна поэтика Фотиса и его на ходу выстроенный небывалый, ни на что не похожий язык, который запросто может произвести впечатление банального или искусственного, потому что пестрит романтическими штампами и невнятными экзотизмами. Но все они начинают играть совсем иной словесной гаммой цветов, иным спектром речи и природой, когда понимаешь их функцию опознавания. Чтобы сказать в тишине «я здесь» ведь неважно, в какие ладоши хлопнуть — грязные или пахнущие духами в перстнях храмовника или в шрамах кочевника. Опознай меня, Боже — я здесь!

Русская литература, традиция у Фотиса присутствует неявно и, прежде всего, в самом русском языке как вместилище невмещаемого — словесном полотне, на котором могут соседствовать еврейское имя Бога «Саваоф» и американская Грета Гарбо, суфийский дервиш и эллинистический Дионис. Он уже и не совсем русский — этот язык эмигранта. Как переводная проза Набокова. Скорее это индивидуалистическое эсперанто для разговора поэта и Бога, для восклицания поэта — о Боге.

Иногда трудно разобрать, где поэт обращается к Богу, а где к своему старцу Симеону. Не надо удивляться — это традиция единения человека с Богом, основа которой заложена Евангелием и развита христианскими богословами и отцами Церкви. Нам она, может быть, понятней, например, со слов Бердяева о том, что в человеческих глазах явлено и просвечивает как через тонкий занавес само запредельное.

Фотис — жил не в мифологическое время, он погиб всего несколько лет назад. И мне не хотелось бы сводить его деятельность к литературе, потому что она была лишь следствием. Монах Елисей сделал то, что поэты не делают — он писал не о Боге, используя чужой опыт, создавая «текст» — он создавал самого себя, осуществляя личную встречу с Бездной Огня, с Самим Богом. Он отважился войти не в литературный диалог с Богом, а в личный контакт с Ним, перекликаясь таинственными минутами встречи с Высшим — с Пушкинским «Пророком».

В поэзии Фотиса мало пейзажей, внешнего, а если они и есть, то осуществляют центростремительное движение, устремляясь к оси мироздания, к сердцу поэта, подобно котам, повисшим на нем и слушающим внутреннюю работу души. Самое главное свершается внутри нас, не снаружи, несмотря на то, что весь современный мир с его технократической и информационной цивилизацией вывернут как раз наружу, наизнанку, прочь от своей подлинности.

Глупец тот, кто взор сердца
Устремляет к подобью.
Только Первоисточник
Утешит любовью.

Бесконечные живые пространства распахиваются внутри сердца и перетекают в пространства космические.

О, стань же небом Ты моим, я — облаком в Тебе.
Я проплыву из уст Твоих в тишайшей быстроте...

Куда же летят мотыльки Фотиса?

Прильнувший к кубку, мотылек упал.
И в ночи трепет крыл сокрыла роща.

Есть несколько знаменитых строк о бабочках. Набоковское эффектное «мы — гусеницы ангелов» только перелицовывает то, что деловито констатировал Данте:

Вы не замечали, что мы гусеницы,
Рожденные для того, чтобы сделаться ангельской бабочкой,
Которая летит к ничем не заслоненному огню справедливости?

Огонь справедливости тут — Божие присутствие, Его любовь, — и человеческая душа изменяется для того, чтобы осуществиться и, вырвавшись из мира иллюзий, мира неподлинного, устремляется как мотылек в огненный маршрут, где все ненастоящее, не являющееся нами, сгорает в пламени подлинного бытия. Собственно, это маршрут прочь от посредственности, от внешнего мира тиражей, клише и копий, в котором живет современный «средний» человек — к бесконечным пространствам собственной души. Человеческое сердце создано вне ограничений, создано безмерным и поэтому ничем меньшим не может довольствоваться. Но для этого нужно мужество — устремиться к огню Реальности. О том же строки Гете:

Миг — и вот, до света жадный,
Ты сгораешь, мотылек!
Если ж зов: «умри и стань!»
Спит в душе смиренной,
Ты лишь горестный пришлец
В сумрачной Вселенной.

«Стать», стать самим собой можно только в этом огне. И вот на фоне современных кинозвезд, фэшн-акций, глянца, автогонок, медиа-войн — этой сверкающей, но по Гете «сумрачной вселенной», возникает странная фигура поэта, произносящего нелепые горестные фразы о том, что *прильнувший к кубку мотылек упал*, — тоскующего и мечтающего о «поцелуе Бога». Нелепы эти фразы как раз тем, что это не очередная политкорректная литературная продукция, свойственная западному и восточному литературным процессам, а варварская констатация своей собственной правды.

Потому что на языке Фотиса «кубок» — это чаша Евхаристии, солнце Бытия, Сам Бог, Огонь, в который летит человеческая душа. И мотылек-Фотис, прильнув к божественному Огню, сгорает не чтобы исчезнуть, а чтобы *стать*.

Конечно, с собой истинным встретится страшно, тем более с непостижимой глубиной, живущей в твоем сердце. На этом пути ждет «огненная смерть», к которой в дионисийском (вакхическом) и евхаристическом порыве устремлен мотылек Фотиса, символ души. Поэтому... не стоит торопиться — нам привычней умирать в дорожных авариях или от канцерогенных продуктов, от мыслей зависти, от ожирения, в радости от того, что обошли конкурента, от перебора алкоголя, смога, секса, от кока-колы. Нам привычней умирать предписанной нам смертью. Заемной смертью, выкроенной по лекалам нынешней цивилизации. Ясно, что кроили ее вовсе не мы, как и собственную «сумрачную жизнь». Что ж, все же это не так нелепо и непонятно, как какая-то огненная смерть...

Газели, летучие мыши, львы, змеи, бабочки, коты Фотиса — кортеж Орфея, растерзанного вакханками, голова которого и после смерти слагала стихи и пророчествовала. Сердце Шопена продолжает звучать, замурованное в колонну Варшавского костела. Вероятно, трещина мира проходит не только по сердцу, но и по всему телу поэта, которое расчленяется, как Озирис, разрывается на части, упав на турецкой или какой другой дороге. И делается это для того, чтобы в огненном *становлении,* воссоединившись заново, соединить собой весь остальной мир, разорвавший тебя на части, как свое собственное тело, и сделать это уже на том уровне, который недоступен распаду.

Андрей Тавров

На берегу Ты снасти сушишь, Боже,
А я плыву в блистаньи гальки белой —
С потоком холодящим мрачных дней.
Все уловить меня пытаются, но тщетно.
Увидев небо, я умру в Твоих руках,
Как рыбка мелкая в песке морского брега.

Почему я так нечист? Скажи, не скрой!
Лунный взгляд в жемчуга спрятал Свой,
Падала роса на отроги, мотылек устал.
Коснись его перстом, подобным утру,
Роса почернела от черноты его крыльев.
Высуши влагу... Хотя бы один полет!
Душа нечиста, но трепещут крылья,
Тоскующие по бесплотной ладони
Саваофа, Спасителя мотыльков.

Плоть рвет душу мою
У цветущего Парадиза.
И осыпаются розовые лепестки
В надрывном пении саза.
Отвернись, не смотри, Возлюбленный,
Как хрустят кости робких струн,
Рвущихся от неравной любви.

Не думайте, что умерла любовь!
Через три дня она восстанет:
Мой череп жалкий лирой станет,
И заблистает молний вновь
Сияние в пустых глазницах.
Улыбка Бога отразится
В глазничных струнах, и весна
Ворвется в панцирь черепахи,
Где чистота начертит знаки
Перстами горними Христа.

Я уже не тот, Господь!
Не впорхнет мотыльком в сердце эрос...
Не качнется волною в груди огонь,
Пылающий на цветах бессмертия...
Я уже близок смерти!
Я истлел от греховных бурь!
Но любовь все гнездится в развалинах
Так явственно, что смерть не страшна:
Так орхидеи вцепились
В умирающий камень руин.

Пой сладко, Давид, когда горько Саулу!
Я подарю тебе златотканные одежды,
Нардом оботру мокрый от солнца лик,
Виссоном соберу пот.
Как горько Саулу!
Он к нежности песен привык!
Ты сильнее меня, Давид.
Чернь не зря вопит,
Что ты победитель.
Тихая обитель
Тебя со мною ждет.
Когда друг о Боге поет,
А первосвященник
В Скинии — «Аллилуйя»,
Копье метну я,
И оно поцелуем
Уста пробьет.

Как тяжелы последние слова...
Я думал, что́ скажу перед концом,
Когда тоска предсмертная
Найдет меня и схватит,
Или, как молния, похитит миг
Невозвратности.
Скажу: «хочу я быть Твоею пери, Боже»,
Нет, «без надежд любил Тебя всегда»,
Иль, «недостоин я, но Ты жалеешь
Таких, как я, Владыка». А быть может,
«Сведи меня в пустыни Ада, Боже,
За ручку, как ребенка, я боюсь».
Молчанье ужаса сплетется с мигом страсти
Тончайшей самой, и жестокой, и всесильной,
Пьянящей и беспомощной — к Тебе.

Среди цветов, что спят в жаре полудня,
Порхают бабочки — их не тревожит вовсе
Заснувший ветер, похоронный ветер,
Гонящий сласть из молодого сердца,
Ведущий отблеск рыб в бурливом море
И шевелящий лист маслины тихой.
Играючи, порой по-детски резво,
Он плод сбивает смоковницы желтый.
А мотыльки цветов бутоны нежно,
Покрыв хитоном черным крыльев ломких,
Хоронят, чтобы в мраке распустились,
Вновь к жизни опоздав, цветы желаний.

Приди, как сиянье бирюзовых морей, залей небеса.
Приди, падаю, балки шатки, шатки взоры,
Вырванные из сердца. Куда мне деться?
От Тебя никуда не деться. Мальчик сорвался в Пропасть.
Вниз головой, между морем и камнем птицей:
Опьяненье стрижа. Облака так деликатны:
Гарбо позирует Саваофу, Грета, бедная Грета!
Улыбка, как сорвавшиеся балки,
Белоснежное Облако сохранит сердце,
На котором взор Бескровного Бога
Начертал бессмысленные слова песни ума,
Ума, нежнораненого возлюбленным Воином,
Искуснейшим Иисусом.

Мальчик, прииди, горнеликий,
Утешь меня, исцеляя.
Мрачной чумою греха
Я исполнен, несчастный, неверный.
Мальчик Трисолнечный,
Беги побыстрей, светлоликий,
К горноухающим чащам.
Там тебя ждет несчастливец,
Исполненный мукой...
Сердце мое — одна рана,
Тело болит, а ум — полон проказы.
Ты знаешь ту «проказу»,
О коей я говорю.
Она такая «смешная»!
Многие неисцельно болеют ей
И никогда уж не смогут
Исцеление получить,
Царапая тайную язву ума.
Сердце мое растерзано
Тиграми Калидасы.
Перстами, подобными солнцу,
Исцели ее боль, уврачуй
Мое тленье и смертность.
Я в горячке лежу.
Ум мой покрыт
Горько-влажным туманом Аида,
Без Тебя охладели все члены...
О, разлучение с Тобой
Душа не сможет вкусить.
Звезды погаснут, и горы рассыплются в прах,
Танат выплеснет килик ума в бездну смерти.
Больше я не буду любим, и море любви обмелеет.

По нему пробегать будут тысячи, живущих после меня,
Забавляться песком золотым,
Уже не ласкаемым волнами Бога.
В шторм я иду к Тебе,
Разбивая валы пучины мягким мечем.
Еле волочусь,
Одев последний венок.
Бьюсь со всей страстью ума
За Твою откровенность,
Чтобы в близости жизнь улучить
От Твоего дыханья нетленного,
О, Бирюзовая Говорящая Волна:
Волна — Твой лик,
Волна — Твои руки и пальцы,
Ноги Твои — Волна, и предплечья,
Волны две — лодыжки, две Волны — щиколотки Царя-Духа,
Волны — живот, Волна — нетленная грудь Тайны.
Пусть все хлынет
На меня! Ведь Волны...
Есть Дух.
В такую Бурю я уже не вернусь из Моря.
И буду смеяться над теми,
Кто плачет на берегу обо мне.
Смеяться от счастья и знать,
Что они не поймут,
Что в близости лишь
Жизнь улучить возможно
От Твоего дыханья нетленного:
Дух есть дыханье Твое,
А уста Твои — Двери для Духа.
Ключ Единый к Дверям —
Отца Твоего нежная душа,
Самая нежная душа Бога,
Потопившего колесницы Фараона,
Приставшие к моим смертным щиколоткам.
Ты сбил их Великой Волною,
Колесницы разлучения с Тобою,
Чернокрылый Отец в черном хитоне непостиженья,
Отрок светоуханногиацинтовокудрый, внезапный.

Капельки дождя во вкрадчивом веяньи ветра.
Мотылек перестал биться, сбивая с крыльев пыльцу.
Он распят. Завтра он станет Солнцем,
Которое стало Мотыльком и распялось.

Меня учил не унывать Владыка,
Хотя другие бросили, увы,
Гнушаясь смрадом от моих одежд.
Лишь Он мне лил на слипшиеся кудри
Ценнейший мускус, так что забывал
И вспоминал я то, что сокровенно.
И нет другого таинства, поверь.
Лишь Бог со страстною любовию бесстрастной,
Лишь Бог с необоснованной, безликой,
И безлюбовной страстию любви!

Метаморфосис двенадцати котов

Неизбывною жизнью болею,
Тщетно в мире взыскуя надежду,
Но к руинам пичужною трелью
Ты зовешь меня, Знаемый прежде.
Мы в подвалах резвились, искали
Пропитанье: кузнечиков, змей,
И было такое незнанье знанья
Сильней и смелей...
Зрачки как горчичные семена.
Нам давали призрачные имена:
«Марлен Дитрих», «Полосатый убийца»,
«Райский котик», «Плюшка», «Рыжий»,
«Серый», «Кеша», «Пряник»,
«Утешение блох», «Внезапный»,
«Змеелов преискусный Вакхишка»,
И «Прекраснохватающий мышку».
Мы порхали порфирно, острые когти впуская
В плоть рубиностеклянную мышей,
Лягушек и змей веероюрких.
Раз иной добывали кузнечиков,
Горных цикад — перламутровоглазых певуний,
А бывало, и птах быстрокрылых
В трепете низвергали в траву.

Люди в уединенной горной пустыне,
Отшельники калив бессмертных,
Мальчики-созерцатели из песка
Нам давали
Дар морской лозы, пленительно соленой,
Хотя вовсе безвкусной,
Плод пучины блистающей моря:
Октоподов, супьезок бросая,
Требуху морских дивных животных.
И вот мы, радостный клич издавая,
Заглушающий Патроклоахилловы кличи,
Наподобие дудочек иерихонских,
Бросались к исполненной миске.
Наша жизнь была мигом пред Богом,
Но Господь изменил нас, как камни, объяв:
Манна нежная пала, как египетской земли
Оранжевый прах. Бог нас в хлеб превратил,
Нежно-мягкий, будто бы пир уготовив ума.
Мы воскресли с мертвым умом,
Глубоколиким, прекрасноуханным:
Строй котов, строй мужей совершенных,
Мужей непорочных, жрецов.
— Но как было то? — Сумею ль поведать, Панкаллий?
Лучше же Каллистом я нареку тебя,
В речи искусный, прекрасный.
Десять лет ты скрывал нашу тайну.
И вот, на пороге отшествия в небо
Ты расскажи ее всем нам в ночи́,
Что луною объята, виннолунным сияньем.
— Слушай же, бедный, зовомый теперь Елисеем.
«Зябликом» кличут тебя, «Бутузо́м»
И «Фантомноумершим»,
Я, Панкаллий, уже окрыленный и когти
Выпустивший божественного желанья:
Мышь небесную дивной мысли о Боге
Ловким прыжком расставания с плотью
Исхитить готовый
Из житниц священных учений.
О, тучна эта мышь!

И я утучнюсь крылатой и легкой Любовью!
Вот, начинаю песнь надмирных мелодий:
«Горы охвачены тишиною: горный сумра́к
Стал их ветром, аврою мглистой,
Томящей и пробуждающей цветы,
Дабы златоуханными голосами
Возвеличили над пустынею моря
Любовнопленительный Логос.
Видели мы, как спустился к нам тот,
Кто «Скалой» наречен и полон
Бескровножреческих гимнов, крылатый,
Старец с Нектарной Планеты — Христа,
Тень Тысячесолнечного Отца.
Вот, явилась тень его, тихая тень,
Ласково к земле припадая,
Скала смотрела на нас
Очами божественного Леопарда.
О, старец, в очах сокрывающий бездну.
Как скала, источал он мирру любви,
Липкую, как мед поцелуев Льва.
Льва от колена Давида-царя,
Льва, распятого и воскресшего
Из пещеры тенистой Гефсимании...
О, шумело море под нами,
Вспыхивали падающими звезда́ми
Сумрачные горы... Он звал нас
На нашем языке... — Мяу-мяу...»
Я, толкователь жалкий, произрекаю:
«“МЯУ” — “М<ой> Я<хве> У<врат души>”»...
О, божественными улыбками просияли
Наши кошачьи уста и, о чудо,
Мы встали на задние лапы,
Все, как один, в ряд, как сыны пышнопоножных Ахейцев,
Так пожелал Бог, мы лики обрели человечьи
И обступили его, увенчанного простым Трисветлым Птеротом,
Иноки, чины ангелов новые...
И обнял он нас: «Дети мои...»
А море билось крылами голубя,
Искрилось под ветром наших восторгов...

Стали восторги объятьями тайных ущелий.
Гимн мы воспели новый и чистый
Сияющему Саваофу, Льву Саваофа
И Голубю Саваофа, милого Отца:
«Воспойте, горы! Винная гроздь солнца,
Источись в кубок ущелий, утоли
Нашей Любви страстное биенье!
Мы сошлись с отцом для таинственных
Жертв Тебе, бескровных, благоуханных.
Бескровный жрец воздел руки над чашей,
И умы наши стали чашей бескровной.
И запели небесных чинов сладкие безличья:
«Боже, Боже, Ты безбрежен.
Сыноотцова Любовь, Ты безбрежнонежен.
Отцесыновний Эрос, верен любимым своим.
Отцесынодухожеланен, безликий.
Благоуханноотцесынодухонепостижимопрекраснопленительнотиховысок.»
Ныне прошло уже сто тысяч лет с того мига.
На Планете Сладчайшей мы все.
Только ты, Елисей, задержался.
И все не обретаешь узорчатого хитона.
Десять лет я молчал, и еще десять тысяч лет...
Но вот, усладил вас беседою сладкой.
Я, Панкаллий, певец Сияющей Ночи.»
Для ума, цветущего...

Ко всей земле ревную я тебя,
О мой отец, о Новый Илия,
Уснуло море, наша страсть не штиль:
Уже изрек пророчества Вефиль.
Я страсть нездешнюю, как знамя над главой,
Поднял высоко — сын и призрак твой.
И если мой оставишь облик ты,
От розы колкой отвратив персты,
Жених воспримет облика черты,
И облик твой, окутав сердца свет,
Подарит мне любовь безбрежных лет,
Во мгле обнимут двое пустоту:
Ведь пустота есть Плоть, тебе не лгу,
И ты, познав желанье Пустоты,
Мне молвишь: «Ты уже не ты...»,
И крови причастишь меня Своей,
Шепча любовно: «Новый Елисей...»

Сказав мне «усни, засыпай, о ученый»,
И молвив, что пестрые сны радужночерных Желаний
Могут быть сладкими, как Патриарха «Осанна»,
Огненнонежные лу́ны янтарных бесстрастий,
Никнувших в росы чаш упоительных Бога, —
Исторгнув жало тоски, разъедающей душу,
Дивной оливковой ветвью коснулся меня ты:
Искусней ран, жесточайших и тихих,
Острых и громких уколов Небесного Бога,
Нежнонездешнежеланно задевшего сердце,
Искр Его многовидных ответов,
Скрывших обласканного в пучине,
Илонетленного Нила, где ласточки тают,
Йоту соклевывая святую
Липкомедовых словес Белоснежного лика
Юного МальчикоБога, Кем был я обласкан,
Болью упившись горячки Любовной...
Отчесокрытые черные тайны вбирая,
Вернобезликим отцом был я обласкан:
Икры в пляске покрылись венками...
Мягкость любви застелила безбрежность галактик.
Сердце теперь двояко единовидно стучит: «тук-тук».

Я с высей чистых ниспадаю вниз,
В Твои бесстрастные объятья, Боже,
Но я — страданья капля, не Иблис.
А Ты... как куст, что рос принять не может.

Твои цветы, незримые для рос,
Всё убегают от моих желаний
Укануть в них, и ливнем бурных слез
Сбежать с вершин в морскую глубь признаний.

Я капля. Ты — бескрайний океан,
Безвидный, что подобен Солнцу Ночью.
Дай мир летящим в прах костям,
Ведь плющ желанья сплелся с ними прочно.

Слеза вне слез близка Твоим слезам.
И кто останкам грешника поможет, —
Руинам, балкам и сухим камням
Когда-то плоти любящего, Боже?

Когда о любви к тебе думал и думал,
Я понял: любовь всего мира есть дудочка только,
На ней же играет Сам Дух, через тень твою, трудно изречь,
Слова подобрать и тот образ, что это опишет,
Там ночь нависала весенняя, полная тайны,
В тот миг я почувствовал — Небо Ночное сказало:
«Мой Симеон, только Мой! Не дерзай познать это мыслью!»
Я испугался величья глаголов нетленных,
Боголюбовеявляющетонкотаинносиянных,
Ревностнонепостижимосверхлюбовнопалящих,
Исступленнокротчайших и сладкоуханных...

Прекрасен серп луны над головою,
Мы снова как-то встретились с тобою,
Как лев пустынный зарычав во мгле,
Ты сердце сына призывал к себе.
А я, бежал, взволнованный от счастья,
И я увидел: это ты отчасти...
А ты расправил руки, как крыла
Далекого бессмертного орла,
И кистей воск согнув от жара неба,
Ты воспорхнул туда, где смертный не был:
И ты позвал меня к себе смиренно,
И серп луны плыл к сердцу прикровенно,
И севши, бедный, во ладью златую,
Я плыл к тебе и все еще плыву я,
Хоть прах мой ветры тайно разбросали
На грудь отрогов, где мы отдыхали.

Взмахни крылами, пророк, упорхни мотыльком...
Я услышу трепет крыл твоих, луна заплачет,
Как перевернутая чаша неописуемой любви.
Улыбнись, пророк, прости, что я подступил так близко
К твоей тайне. Крылья тонки, как лучей волоски, и...
Неведение мое о тебе, называющее себя «любовью».
Я зрел полет твой, тихий, как «слабость» ума...
Ты покинул ум, пророк, чтобы научить меня,
Что Божественная любовь иная, чем
Все мои отражения, кусочки янтаря в ладонях.
Все раны сердца ты, возлетев, исцелил:
Я видел, как летал мой отец,
Стремясь к безвидной страсти высочайшей болезни.
Болезнью зову цветонетленную Любовь,
Которой меня учат твои опьяняющие движенья.

Мучительная Страсть, тихая Любовь,
Зажгла мои персты, что спали.
И вот, Он явился к преступнику,
Явился совершенно неявно, как Бог, явным
Ветром Безветрия...
Грешник пытался уклониться, но не смог!
Смягчил он уста, не знавшие поцелуев уст,
И вот я, Его тихий смертник, плача, ломаю калам,
Но ты, послушник, в нежнейшем желаньи
Не утешишь главу раненого льва,
Чья лапа в ангельской деснице
Почувствовала кольцо обручения,
Мучительную страсть потери
Его черных покровов, Его сладостных силков!
Припади к моим губам в первый день моей смерти,
И ты почувствуешь свободу раба, златокудрый брат, милый!
Ты отпрянешь, свобода раба непереносима!
Так я тщетно сжимал в объятьях древо
Твоего сокрушившего меня рая.

Слезы Возлюбленного по мне стали нефритовой росой.
В каплях холодных тумана отразилась луна Его Лика.
Ложе я разделил с мужчиною, женщиною и собою,
Но покрывало сердца на ложе любви осталось Твоим навсегда.
Горе мне, завтра в горах грянет ливень из сизых туч.
Предал я любовь к моему Солнцу.
Исхить мое сердце из мира живых, моя Смерть,
О, Ты, смертельное для распутников Сияние.
Сорви мою ложь, обнажив пугливую правду.
О, прошлая чистая Любовь, пока поет на рассвете
Соловей моего рассудка, помедли в моих объятьях,
Ведь люди уклонились от них, как от нечистоты.
Жду горлицу Твоего поцелуя, Галилеянин!
Она на костях моих, очищенных от плоти,
Крестообразно совьет гнездо
Божественных наслаждений.

Ко мне не подходи! Я нынче пьян...
Мой рыжий евнушек скончался
По дороге в Хорасан.
Он не болел, не таял, как свеча:
В лазурь смотрел и не просил врача.
Как я, шатер раскрыв,
Верблюдов напоил своих,
Он, словно мягкий воск, застыв,
Под сенью пальм затих.
Господь! Ты видишь лишь один
Всю боль сердечных ран!
Я принесу венок из роз
В небесный Хорасан.

Когда развалины в сетях плющей черны
И запах пьян горячих трав ночных,
И жемчуг волн на берегу безлюдном
Так близок к галькой блещущим брегам,
Тогда ты спросишь вдруг меня, каких
Я в мире ласк ищу и чем живу, несчастный.
Тебе скажу, я вовсе не мутриб,
Хотя пою всегда любовь и слезы,
Красу и ласк, и опьяненье поцелуев,
«И непрекращающихся объятий
Счастливую тюрьму»,
Где свитки всех моих ничтожных песен,
Да, как и плоть, рассыплются в золу,
Клубящуюся от дыханья Света.

И ты пригубишь этой жизни яд,
Как все другие, и умрешь, конечно.
Но тот, кто умер, сможет и ожить,
Из ручки маленькой я кубка рвать не буду.
И что сказать? Не верь словам людей
И внешности: все лгут, пусть и невольно.
А верь одной любви Прекрасного Царя:
Он, взяв златые нити света, смешал с землей, —
И это ты, конечно.
Стань, выпив вечность, золотой застежкой
Хитона Господа, что зелен, как смарагд.
И не скажу я больше ничего, страдающий без утоленья боли.
Над головой моей склонились
Две розы. Неужто это Он
Мне на прощанье горько улыбнулся?

Иерихонскими розами грудь твоя расцвела,
Подбрадье, уста, взор и глаза, и сердце...
Райским древом ты стал для меня,
Древом вечной Жизни.
Ты целуешь меня без уст в средоточье ума.
Ощущаю отцеликие лобзанья Отцовы, —
Лобзанья чистейшие,
Лобзанья неописуемые,
Полные грядущих ласк
Светлонетленного, сокровенного Рая.
Я созерцаю, как целуешь безустно
И безмолвно средоточье моего ума,
Как положено Богу, ведь ты Бог
По благодати, как изрек апостол Благодати,
Ты Сама Сущность!
О, в какое невиданное сияние ты увлек меня
Одним взором твоим,
Взором, полным цветущим мраком Сиянья,
Взором безбрежным, призывным, вечным,
Увлекая единением с Единым.
Ты Сущность! И Та, и Та!
Я искал поцелуя уст, но не нашел...
Я искал ласк отца, но обрел
Трепет внушающие ласки Отца
Через тебя, мой отец,
Пророк,
Сиянье,

Скала,
Сад Цветов,
Черный орел,
Нездешний напиток,
Сеть Духа,
Капитан сокровенной Ладьи,
Сокрытая Безличность,
Неизреченная Бессловность,
Говорящий луч,
Таящийся ангел,
Дерзкий охотник,
Бесстрашный воин,
Искусный врач,
Возлюбленный просветленности,
Убийца Сатаны.
О, ты расцвел черными цветами,
Словно куст Новой Купины,
О, уподобившийся Новому,
О, носивший над главой своей Ксерокеркский сандал,
О, искусный резчик моего лика,
Явивший мне Отца
Простым мерцанием Ковчега твоего милого сердца,
А Сын явился Отроком Белоснежным,
И летели поцелуи без уст,
И Отрок стыдился
И совершенно не стыдился меня,
Как и Отец, и отец.
Пророк, Елисей твой, плешивый страдалец,
Стал прекраснейшей из «женщин»,
Ибо душа-невеста надмирно стала Иным,
Презрев подобие тварных диад.
О, Генада простых диад, о, Триада, Ты — Диада в цветах Эроса!!
Я видел тебя, ты поцеловал мой ум,
А потом я не выдержал и поцеловал твой,
Словно выпил прохладный напиток
Жаркой ночью.
Я целовал и не мог оторваться 33.000 лет
(34.000 стало числом печали).
И понял я, что целую Отца.

А Его поцеловать нельзя, ибо Он есть Ум.
А ныне лежу, одинок и безлик,
Как сбитый плод оливы.
Меч мой не пробует и́хор бесов,
Зачем? Сатану убьет клинок Сато́ри.
Ты ж обрати свои очи к Сущности,
Коей пленен я,
Ибо пленительна Сущность, как прозрачность весны,
Как цветенье тихих деревьев в безмолвных лесах,
О, сама Сущность зрима очами, и в этом незримость.
О, весь ты мной постигнут всецело, и весь — вне познанья.
О, ликованья сугубого двойственный пеплос!
В Двоицу вышла Монада и стала Триадой,
Так я сольюся с тобою и стану не-нами,
Третьим я стану из двух, ибо стал я тобою всецело.
В солнце палящем я пьян освежающим горним нектаром,
Лед и уран в ипостаси смешались безбрежностью высей!
Розы лед нежнокрылой и тайные песни урана:
Выпито имя «Любовь», имя «И» — неуло́вленным Светом несется,
«Н» переправилось в «О» и «М» сидонийски зардело...

Ты умер. Я же болью пьян своей.
Любовь меня оставила внезапно.
Вчера лучился лик красой Твоей.
Любовь меня оставила внезапно.
Твой глас журчал прохладой, как родник.
Любовь меня оставила внезапно.
Вчера к Тебе на грудь клонился, кто любить привык...
Любовь его оставила внезапно.
Вчера Ты чашей опьяненья был.
Любовь меня оставила внезапно.
Я трезвенником стал, я о Вине забыл.
Любовь меня оставила внезапно.

Черная ночь светла.
Лепестки цветов душистых
Манят нектаром пчелу.
Но мраком незримым окутан
Ввек не гаснущий день.
И радостно сердцу безумному
Зреть ангелов, нисходящих
В безмолвии светлого мрака.

Ты умер, но в ночи́ благоуханной
И безрассветно тихой, мирной
Меня зовешь, как солнце в гробе лунном.
Целую мрак надгробья Твоего:
К любви я не приучен и смущен.
Я боль нашел, отчаяньем пленен,
Стыд жжет меня, Твой взор жесток.
Надгробием обжегся мотылек.
Достанет ли мне сил, в сознанье буду ль
Твоей любви принять войну сейчас.
Я сдамся. Плен Твой легок, сладок,
Ведь Ты и Сам об этом говорил.
Но, если хочешь — жги, Господь,
Пали Твоей любовью, как огнем,
Кинжалом страсти раны наноси,
Все отними (что молвлю, знаю я!),
Но только от меня не отвращайся.
Из гроба глас я слышу нежный Твой:
«Иди сюда, со Мною успокойся».

Возлюбленного винные персты
Коснулись кубка серебра.
И встретились друг с другом черепа:
С тобой столкнулся я, со мною — ты.
Возлюбленный, вошедший в лунный Рай,
Испил пророка, омочивши край
Моей в тебе тоскующей главы,
В пустотах не принявшей синевы.
Я смерти жаждал, а ливнь искал приют...
Я ожидал: персты громов уйдут.
Я думал все, что разлюбил меня
Пророк-Скала, и Он, Скала Огня.
Я плакал от греховности своей,
Я видел лик, измокший от дождей,
Чужое злое тело видел я,
Сдавившее, словно змея, меня.
Я капал, трупным соком исходя,
Я был руинами, что прокляли меня.
Но вдруг мой мозг в объятия упал:
Как кровь на шелк, как в море — малый лал,
Как в персик косточка, в нектарной глубине...
И Он со мною был наедине.
Возлюбленный... Он нежно сквозь меня
Прошел небрежно, подарив тебя,
И вновь твои глаза отняв навек,
Пророк жестокий, слабый человек
(Но слабый Бог, отец мраковенчанный),

Забрал тебя мой Отрок Всежеланный,
Но подарил тебя вне времени, как лик,
Безличен стал ты весь, и Он безлик:
Как виноград, ты сердце ел мое...
А я вкушал тебя, забрав твое.
И грудь моя болит, пророчествуя конец,
Конец земных эросов к тебе...
Так тают капли моря на песке побережья,
Так угасают розы в твоем саду...
Твое сердце как хлеб сладчайший и родник
Богожурчащий: я к нему приник.
Ведь дал его мне пить тот Воин нежный
Со ратью быстрой в тени белоснежной.
Он повелел вкусить тебя, но ты...
Стал мне огнем и обжигал персты.
Но и халвою стал, смягчаясь вдруг,
Как трепет птиц и как любви недуг,
Как ночь жемчужная, что истомила нас,
Полночных призраков, сокрывшихся из глаз...
Я ум вкусил твой... Сразу захмелел.
Как будто в небо горнее взлетел,
Как будто лопнул сладкий плод в устах...
Я заблудился в сахарных цветах
Как одинокий однодневок-мотылек.
Твой череп забурлил вином, и Бог
В очах учителя мне два соплел венка.
Не спрашивай! О, знай наверняка!
Что я «венок» не о цветах сказал.
То — неприступность, ум, что Он забрал:
О, чистота двойных умов Ума,
О, зыбь бокала, что испит до дна,
О, блеск ночей, мерцание морей...
Сжал Кубок мальчик, Новый Елисей!

Прильнувший к кубку, мотылек упал.
И в нóчи трепет крыл сокрыла роща.
Тобой исторгнутый из жизни я летал,
Как в мраке чернокрылый маленький летун —
В руинах плоти нам скрываться проще.
Не даром Ты, Господь, зовешься «Мрак»,
Ты — Туча, что полна кристальных слез,
Что скрыла солнце Твоего желанья,
И Моисей, как мотылек, не утолил страданья,
Коснувшийся вина Твоих волос.

О, знойный жизни этой свет так истомил меня.
Я, как пират, на склоне лет, бреду к закату дня.
Мой плащ чернее крыл ночных изъело море слез.
К Тебе иду, о мой Халиф, в селенье горних Роз.
Пусть плоть моя увяла здесь, хочу, чтоб ведал Ты:
Душа моя — как по весне царьградских стен цветы.
К тебе, Халиф распятый мой, иду, роняя пот,
Пылает, словно факел, плоть, меня к Тебе ведет.
Я безнадежностью полил мой факел роковой,
И вот в ночи́ пылаю я, безумец бедный Твой.
Отец Твой дал Тебя распять и, знаю, неспроста
Мне руки мой отец развел в подобии креста.
Я опьянен вином Твоим, как облак в бирюзе,
О, стань же небом Ты моим, я — облаком в Тебе.
Я проплыву из уст Твоих в тишайшей быстроте,
Прохлады веяньем приду к груди Твоей в жаре.
Мой факел — ум, а пакля — плоть, елей в ней — образ Твой,
Вот стражников встречаю я пред городской стеной.
Унижен ими и избит, не зрю дорогу ту,
Как мышь летучая, вспарив к Тебе сквозь темноту.
Хочу к Тебе в чертог любви, к Тому, Кого любил,
Чтоб на подглавие главу мою Ты положил:
Она устала в мире жить, она испила страсть,
Чтоб в рук возлюбленных силок безвременно попасть.
Твои персты под головой, а правая меня
Как труп для мира обняла и ввысь взнесла, любя.
Пусть завтра череп прянет в прах и закружится прах, —
Но закружится прежде он в Желанного руках.
В бессмертья гроб, как в колыбель, сведешь меня, Господь,
Гроб молний и словесных лоз, где воскресает плоть.
Как скоро сумерки пришли, диск солнца отпылал,
Летун диск головы моей беззвучно обвевал.
Два раза облетев ее, он подал верный знак,
Что мой Возлюбленный грядет, меня подвигнув так,
Чтоб Чашу дивную к устам поднес я, аромат

Вкусив и пищу тайную, был, как ребенок, рад.
Тогда скакал я, как дитя, Тобой живя одним,
Тогда душою я постиг, что был Тобой любим.
И что произошло со мной, столкнувшимся с Тобой,
Я вплел в сокрытый горний гимн сей грешною рукой.
И лишь тебе, отец, его отдам, как дар любви,
Пусть это терпкое вино очи вкусят твои.
Я неумело здесь пишу, что ночью пережил,
Калам бессилен передать, что я в него вложил:
«Господь, вкусив тогда Тебя, в полуночи я ждал.
И Ты явился в грудь мою: я, бедный, созерцал
Хитон священный, неземной, и дивный, и златой.
Он был мне нов, с мерцаньем звезд и горнею каймой.
Он был воинственно лучист, но кроток, как родник.
Средь струй хитона золотых узрел я грозный лик.
Как арамейский воин был по пояс облачен,
Но ассирийский шлем блистал и щит златой на Нем.
Бронею грудь цвела Твоя и крыльями орла,
Сжимала посох небольшой священная рука.
Он был как молнии перун, электрою литой,
И я смутился пред Тобой и пред Твоей красой.
Так поступь новую в Тебе тогда заметил я:
Как будто бился Ты со мной, с Тобою бился я.
Христе, Ты, быстро подступив, обнял меня рукой.
Под той десницей дрогнул я, я ник перед Тобой.
Коленом горним (странно то!) Ты в уд уперся мне,
И помысел смутился мой, не устояв во мне.
Но вдруг, Владыка дивный мой, Ты выправил его,
Мой ум смирил и усладил, и укротил чело.
И посох малый золотой Ты левою рукой,
Колено выпрямив, на уд наставил тихо мой.
И боль души утихла вдруг, исчезнувши во мне,
И Ты молчал, и я молчал в бессмертной глубине...»
И знай, калам не описал того, что я постиг,
Об этом ты бы не узнал, отец, из ветхих книг.
И пусть кто скажет, что с ума сошел поэт больной,
Не верь ты тем, кто незнаком с любовью неземной.
Любя тебя, даю вино страданью твоему...
А Луч зовет к молитве нас, ввергающий во Тьму.

«Я сначала отверг тебя, негодуя.
Когда утром ты горнего ждал поцелуя.
Во цветущем саду Я тебя обнаружил,
Когда ты беспомощен был, безоружен.
Вынув меч Свой разящий, Я улыбался:
Ты ладонями рук от меча защищался.
Мне твои сущности разве не любы?
Я клинком холодил твои слабые губы.
Ты о смерти просил, и ты в страсти признался,
Сталью Я твоих рук беззащитных касался.
На коленях ты полз по нефритовым травам.
О тебе ли суды Мои были не правы?
Твои очи просили о снисхожденьи:
Я учил тебя сталью, умерив движенья.
Ты тянулся ко Мне, ибо нет во Мне боли,
Ты порхал мотыльком беззаботным на воле.
Я смиренно сносил твоей жизни движенья,
Потому что любил Я этапы «сраженья».
Ты хотел ко груди Моей черной пробиться,
Но мечом Я заставил твой разум смириться.
Я тебе улыбался, ты не уклонился,
Разве Я с тобой радостью не поделился?»

Ложе ума устелил златотканым шафраном:
Ночь всю прождал мотылька Твоих уст, мне желанных...
Росы ложилось на лик, как незримые слезы.
Мраком к отрогам влекли Твои черные розы,
Горных ветров сокровенность скрывая во глубях
Богоуханных...

Грешник прождал до утра на отроге пустынном:
Уст мотылек показался в сияньи невинном...
Трепет объял мое сердце: в объятьях нетленных
Ум бы молчанья испил Твоих слов откровенных,
Горных ветров сокровенность скрывая во глубях
Богоуханных...

Мрак мой сияющий, сниди, и, если возможно,
Грешника в сладость любви окуни, обещавший неложно...
Чащу Твой луч озарит, взор угасит огонь бесконечный.
Я, как младенец, усну в объятии нежности вечной,
Горных ветров сокровенность скрывая во глубях
Богоуханных...

Ночь, раввуни́, Ты удержишь: Навин ведь сиянье исхитил,
Ты, Кого ум мой, узрев, никогда и не видел!..
На левитоне ума только слез жемчуга я рассыпал.
Дискос луны от страданья из тверди во пропасти выпал,
Горных ветров сокровенность скрывая во глубях
Богоуханных...

Солнце поу́тру встречал, о Тебе вспоминая,
Солнце таило Тебя, страстно к ночи ревнуя,
Жажда в устах созерцанья — ждала поцелуя,
В странной любви и тоске непрестанно пылая...
Горных ветров сокровенность скрывая во глубях
Богоуханных...

Прекрасно петь в объятьях ночи гимны,
Жить со Христом и будто бы не жить.

Кто утешит меня теплом плоти своей,
В поцелуях, нежнейших объятьях,
Даже если одежды свои смешает
С одеждой моей и растает
В зрачках ничтожных моих
Пламенем взоров своих?
Не иди за этим.
Ищи сего у Того,
Кто не даст лжи,
Ибо страстная любовь лишь там,
Где нет ее.
Умри, и тепло Солнца,
Лаская твои волосы,
Останется с тобой на ложе
До утра.

Среди цветов, что спят в жаре полудня,
Порхают бабочки — их не тревожит вовсе
Заснувший ветер, похоронный ветер,
Гонящий сласть из молодого сердца,
Ведущий отблеск рыб в бурливом море
И шевелящий лист маслины тихой.
Играючи, порой по-детски резво,
Он плод сбивает смоковницы желтый.
А мотыльки цветов бутоны, нежно
Покрыв хитоном черным крыльев ломких,
Хоронят, чтобы в мраке распустились,
Вновь к жизни опоздав, цветы желаний.

Нежнее лепестков
И перстов эос
Алость над сизыми
Всполохами туч.
Афон сокрылся в них
От моей бессонной страсти
К следам Галилеянина,
Розообутого Христа моего,
Прошедшего пустынными тропами
Воздушных бездн.

Море нежно шелестело,
И земля мешалась с небом.
Винограда семя спело
На лозе осиротелой.
Средь увядших кипарисов
Крылья бабочек мелькали.
И голубки причитали...
Губы смертных увядали,
Не вкусив блистанья Света,
Что во тьме, конечно, светит.
И не ведали, что взгляды,
Как дневные тени, тают.
В Мраке воссиявшем — солнце.
Расставанье — утешенье.
Здесь Господь прошел меж нами.
Вниз седыми головами
Вдруг поникнув, с жизнью краткой
Разлучились мы украдкой.
Сладостью любви навеки
Горькие глаза помазав,
Бог закрыл умершим веки,
Разорвав сомненья разом.
Бабочки крылами слиплись
Со слезами кипарисов...

Желание, не броди
У каливы моей одинокой.
Там уставшее сердце Любви ожидает годами.
Только тень смоковницы, стрела кипариса и море.
Только море, стрела кипариса и тень смоковницы.

Вот лев крадется в чаще, где ущелья
Особенно тенисты и тихи.
Но шорох слыша жуткий и дыханье пасти,
Газель в высоты гор бежит бесплодных.
В высотах же, где бродят облака,
Скрывается, как призрак, древо жизни,
Под ним — десница смуглая, и амбра,
И молний блеск, что приручили втайне
Неуловимую газель аскета.

Пожалей пьяницу, Виночерпий,
Налей мне чашу страданий:
Под взором Твоих обещаний
Я буду терпеть эти муки, Отец и Жених!

Росы благоухания покрыли
Чело Возлюбленного...
Сердце мое — в сладости и прохладе.
После — мука. Но сейчас эрос
Источил влагу из моего сердца.
Сердце умерло! Только розы благоухания
Цветут на костях человеческого.
От страсти и благоговения
Коснуться боюсь
Его бесплотности,
Уст, доступных и никогда не доступных,
Исторгших для меня
Кристаллы пустынных речений:
Блеснули они, бесценные,
И претворились в безмолвие еще прежде,
Чем я потерялся от их смысла!
Таинственный мрак непостижимости
Сел на ладони ребенка малого,
Которым я снова стал пред Тобой.
Не погнушайся мной, Христе мой,
Которого я знал Безымянным прежде познания,
Пусть облако Таин Твоих
Поглотит два цветка
Этих тоскующих глаз...

Укроет одежда из шерсти
Раны лжи в хладе муки.
Слабые руки ребенка
Вцепятся в парчу Владыки...

С Тобою ждал свиданья, о Триада!
Под ароматом древа, в мраке сада,
Нетерпеливый и желающий познать
Любовь Троих, в Едином созерцать
Энергию Двоих иль Сущность в целом:
Во страсти к Богу может быть пределом
И смертность тела, и стена ума,
Когда душа в Триаду влюблена!?
И грешник пригубил от горней Чаши,
Что очищает светом плоти наши,
И расцвела душа тогда ночной порой,
Как древо над моею головой,
И мотылек ума вспорхнул в святую высь —
Там Солнца диск, свет лучетканных риз,
Сияньем Он залил души глаза,
Тот, тень Чья — неба бирюза,
И мотылек от счастья трепетал:
Жемчужный Ливнь То Солнце покрывал,
Прохлада рос Его жар крыльев остужала
И Духом сладким нежно овевала,
И капли Ливня были, что кристалл,
Он с высей падал, но небес не покидал.
И я смущен, средь серебристых струй
Без уст уста мои вкусили поцелуй,
И это было явно и открыто:
Душа бесстрастнейшим желанием увита!
И был еще один — сей поцелуй нетленный,
Он был непостижимее вселенной.
И в третий раз я, разоренный храм,
Прикосновение Дыхания к губам
Почувствовал, святое обещанье,
Что с Ним не будет вечным расставанье.
О, сладкий эрос, о, предельная любовь,
О, мрак сияющий, Священная Триада:
Под сводом чаши облачной Один явился в Двух —
Отец и Сын, и Дух в цветеньи сада.

О, Феникс Неприступный мой, Господь!
Тебя не видно в дымке гор и моря,
Но для любви, любви, палящей плоть,
Не нужно глаз, хор чувств — пустое...

Твой жалкий жрец нарезал хворост лоз,
Ливанский кедр насытится смолою...
Взметнулось пламя боли, пламя слез
Над дымкою лазурно-голубою.

И прах жреца, что для Тебя пылал,
Смешал с Вином Ты, в Кубок собирая,
И жрец стал фениксом, и с Фениксом сгорал
В любви нетленной, не сгорая.

Я в дом приехал Неземного Друга,
В томленьи я любовного недуга.
Как страсть я утолю? — Его люблю!

В горах пустыни зеленеют травы...
Нет образа, но сколь желанья правы!
Как страсть я утолю? — Его люблю!

Беззвучен рот, тоска в моих глазницах...
Как Луч познать? Как Сну во сне присниться?
Как страсть я утолю? — Его люблю!

Откинь, о Царь, плат черный «бедуинки»!
Ее глаза, как взор пустыни, зыбки...
Прижми уста к слабеющей главе.

Душа смугла, но как она красива!
Слеза души, будто елей оливы,
И губ рубин, — что лепестки в вине!

Сойди с высот багряного Синая,
И лика перед ней не открывая,
Власов дыханием коснись на голове.

Кто в дом приехал Неземного Друга
В томлении жестокого недуга
Как страсть сокроет сладкую к Тебе?

Творец любви,
Любовь моя
Перед Тобой, как
Детская поделка
Или грех.
Она, как дева, жаждет барки уст.
Прости девчонку,
Дай ей умереть.

Я стоял на улочке Урано́полиса.
Тихо тени сменяли день.
Ветер с моря смешался
С ароматами томных цветов.
Зной уступал дуновению,
Волнующему древо старой камелии,
Пунцовые цветы которой
Ждали Тебя, Возлюбленный.

Пряная нежность безмолвья все чище и чище.
Я же старею, слабею от чистых объятий.
Недостижимость желанья все кости мои иссушила.
Маслом облил я одежды, светильником стать я желаю...
Коль не утешишь любовью, пусть кости мои запылают!

С чем сравнится «любовник табризского льва»?
С «цареградской красой», полюбившей Христа?
Тот погасшее солнце устами возвел в небеса,
Сей — воскресшего Солнца лобзанья ловил,
Что пьянят ароматом безумья-вина,
Коль найдется смельчак, чтоб страданья испил.
Чем сравнюсь я и с тем и с другим, мне скажи,
Если жизнь угасает, как угли-грехи,
Если разум так хладен, искусный ханжа,
Он — игрушечный меч, он — замена клинка.
Только сердце болит, рана в нем не одна:
От Христовой красы, от табризского льва.

В аде жизни внезапно Любовь потянула прохладой,
В этот миг уже не хотелось жить.
Боль и стыд. И ума, и тела ловушка!
Смерти страх и безбрежное море тоски!
В этот миг любовь потянула прохладой,
Смиренная Любовь Божества.
Все остальное было ложью и сексом рассудка!

Спрячь, о небо, медоточивые ласки:
Прелесть, все молвят, обман и тщета ...
Дай, Господь, все очищающей муки:
Пусть говорят святоши, неопытные в любви ...

Глупец тот, кто взор сердца
Устремляет к подобью.
Только Первоисточник
Утешит любовью.

Я спрятался в тень гор седых,
И авра овевала отрешенно
Руины всех надежд былых,
Таких желанных и таких пустых.

Цикады пели в зелени подгорья,
Цвели беспечно все цветы пустыни.
Я на руинах начертал с любовью
Твое немеркнущее Имя.

Как лавр с водой, смешалась страсть со смертью,
Так ливень бьет отроги золотые,
Тебя искал, как Моисей в пустыне,
Солнце, объятое предперстьями Навина!

Ты сладкое вино взрастил в лозе Своей,
Воздерживался я, но ныне не сумею.
Поет над Чашей нежно соловей.
Воздерживался я, но ныне не сумею.
Я безутешен был, склонился Ты ко мне.
Воздерживался я, но ныне не сумею.
Утешил Ты меня, душа моя в Вине.
Воздерживался я, но ныне не сумею.
Из глаз моих исчез, как аромат из роз.
Воздерживался я, но ныне не сумею.
В моей крови — Ты весь, щека влажна от слез.
Воздерживался я, но ныне не сумею.

Небо в скалах —
Как пьянящий поцелуй
Липких от меда губ небес, —
Твой поцелуй, Христе,
Томящий душу, как смерть.

Сойди, о Смелое Небо, во гроба зловонную мглу:
Разбей все оковы тленья, в коих тело застыло мое.
Твоя любовь отчаянна, Ты зайдешь в мой дом одинокий,
Трупа дыхание превратив в веянье сада
Роз небесных, невянущих лилий — как снег
Их лепестки, недоступные смертному оку.
Я лепечу в безрассудстве любви и страсти:
Господи, даешь только Ты способность
Мертвым устам говорить страстные речи.
Смелое Небо, Господь мой, молю я
Сойди в преисподнюю, в гроб мой.
Там, среди бурых песков Тебя ждет мальчишка,
Ожидающий ветра весеннего
Возлюбленных уст бессмертия.

Предавший много раз Твою любовь,
В бесстыдстве снова согрешаю.
Я все не научился не грешить!
Сейчас в нескладности далекий от Тебя,
К сиянию одежд нетленных брошусь я,
Боясь собой запачкать белизну,
Цепляюсь взорами за чистоту Фавора.
Кто скажет и какой мудрец решит,
Что вся любовь божественного Павла
Не разгорится эроса огнем:
Ведь Ты дыханием так близок ныне, Милый.

Облачный сад расцветает
В эфире над горной вершиной:
Афон утонул в тишине
Заоблачных весен.
Лишь тебе открываю
В тайном трепете тайну всей жизни моей:
«Я люблю Его как человека, ничтожный,
Пытаясь подобьем обнять
Вторую природу...»
...Ты не обычен, учитель!
Вчера твой взор мне сказал:
«Люблю... Его я люблю и тебя».
И еще ты добавил: «Жаль,
Если станешь добычей Аида...
Так много страданий...
И ни одного поцелуя Блаженного Бога!»
Ты меньше сказал, но добавила трость
Вещающего скорописца...
О, Любовь! О, Любовь! Я смущен!
Ты такой же безумец, как я, о, учитель...
Но прекрасен ты, не так, как мыслят другие!..
За обликом — тень твоей тайны...
Облако тихо пролетело в твоих зрачках,
Что исчезнут в вечности...
Это облако из сада Его страсти.

Учитель, над Афоном вознеслась Луна,
Но лик мой не заметила Она.
Кто я пред Сущностью, к Которой ты приник,
С Луной обнявшийся, как истинный ашик?

Свет лунный, эта винная ахфа,
Лозой Христовой в мраке зацвела.
И я рыдаю, ведь заметил он:
Того я предал, в Коего влюблен.

Влюблен во свет, тоскуешь по нему,
И пьешь его, зачерпывая тьму,
Но завтра утро, и взойдет Она,
В груди — Христа незримая Луна.

На белом песке в полуденной жаре
Я вспоминал о Тебе, слабея от любви,
А ветер волновал холмы и травы,
Солнце черное — лишь теплый ветер,
А луч луны — в крылах сердец волненье.
На белом песке я стал ребенком:
Я не лукавлю, так оно и было.

Я с ароматным львом сражусь во мраке,
Что к созерцания вратам мне путь закрыл.
Он будет нежен, он лукавыми глазами
Напомнит мне о всем, что я изжил.
Он мне постелит мраморное ложе,
И лапой чуть касаясь между ног,
Он станет блеском и, мой ум тревожа,
Все будет петь, чтоб я Тебя забыл.
Но меткий дрот Твоей любви нетленной
Пускай сразит меня в страданья черный миг,
Ведь страсть Твоя не знает перемены,
Ведь страсть Твоя не пепел тел и книг,
И череп мой, такой же, как другие,
Возьмут лучистые Твои персты,
И дебрь горная, и скалы золотые,
Откроют: был влюблен и Ты!

Луна-луна, прекрасная луна!
Мои руины нежным светом ты укрыла.
Мои потери ты посеребрила,
Лишь для Его путей сотворена...

К каливе бедной путь ночной Его
Неторопливых неземных сандалий...
В руинах ветер чуть колышит паллий
Нетленный Бога моего.

Господи, устали слова любви,
Завтра безумец отдастся локонам
Твоей чарующей бесплотности,
Что соблазнила все творенье.
О, безбрежность Твоих сияющих рук...
Несотворенные уста речью сияют:
«Этот грешник любил
Безмолвность небес Моих нежных поцелуев,
Мрак объятий, осыпанных звездами
Откровенности». Заплачет Синай,
Ливнями покроется Ермон,
В синих снегах заблестят глаза Афона.

Нектар любовный ночи в кубке света
Ты дал, Возлюбленный, испить.
Помедли, утро, я еще не пьян.
В сребристых росах Утешитель
Без стоп у сердца троп прошел.
Помедли, утро, я еще не пьян.
Мне для любви нежнейшей и не надо
Хитона черного с плеч совлекать струи.
Помедли, утро, я еще не пьян.
Уста без губ к устам без губ прилипнут,
Как мотылек, приникнувший к вину:
Помедли, утро...

Прекрасная лазурь сияющего утра.
Дыханье бури пробуждает хвою сосен...
В ущельях тихо, и роса ложится
На камень нежно-алым покрывалом.
Господь и Царь, услыши песни боль,
Что среди гор, словно сиринга, плачет.
В ней и тоска, и жаркая любовь
Пустынным зайцем к норам сердца скачет.
Ты сокрушаешься, грех созерцая мой,
Пригубленные чаши наслаждений,
Ты, принимающий игру в любовь
От смертных рук, от лживых уверений.
Расплавь слова, как тук младых телиц,
Ложь отними, как вздохи нетерпенья,
Тоске очей дай райские виденья,
И искушенья отгони смазливых лиц,
И глупость плоти, жизни заблужденья.

Я хочу умереть у стоп Его,
Каждый ноготь которых —
Печать моей любви.
Десять печатей —
Десять проклятий.
Ибо мне
Не достигнуть высот,
В которых
Скрываются
Милые
Ноги.

По одной тропинке дикой
Проходил, когда луною
Посребренны ветки лавров,
Старец. Воздух чистый пил он,
Как цикада пел он песню
Богу тонкою гортанью...
Но сегодня не вернулся
Он под утро в келью нашу.
На камнях лежать остались
Лепестки в пустыне жаркой.

Упали волосы на сиянье парчи,
Я увидел Солнце в чаще,
Оно было Человеком,
Чей взор упорхнул.
Его страданье было непереносимо.
Я спросил: «Что есть любовь?»
Птичка забилась в силках,
Наброшенных локонами Солнца.
Он не ответил ни слова...
Ночь окутала звезды Его взоров.

Страсти уходят, как тени пустых развалин,
Оставляя след печальных дождей...
Заросли терна не зацветут,
Не упадут, развязавшись, сандалии:
Не для любви Ты разденешь меня, ум мой,
Но для смерти и последних омовений.
Губка росой коснется груди, что пылала вчера.

Гневайся, послушник, рви в гневе застежки
Моих черных одеяний, я не сойду с места.
Вот кинжал, осыпанный нефритовой росой.
Бей в это сердце влюбленной рукой,
Я одел твои бесстыдные ноги в сандалии Сияния.
Я заплел твои власы в слова бессмертья.
Но ты любил лишь прах, розовеющий
Под лучами прощания. Не заблуждайся!
Руки трупа поймают лишь птичку Его,
Поймают, чтобы отпустить в бессмертье.

Солнце, уйти я хотел, Солнце,
Но Ты привлек меня в объятья
Свои, — так Бог карает любовью.
Взял Ты меня в черную постель
Тайн Своих, оторочка ее — непознаваемость.
Не хочу покидать ложе Твое,
Оно — колыбель поцелуев!
О, Ты не погнушаешься моим
Падшим телом, и это — бóльшая кара.
Я уже мертв, Любовь солнцеокая,
Смотри в лазурь Собственных тайн,
Одна из них — наша любовь, Солнце.
Двое знают о ней, но Они — с Тобою и Ты!

Утрата желания желаемого — боль,
Утрата желания в Желаемом — высоко,
Если любовь — боль,
Значит всякая любовь — утрата,
Утрата желания в Желаемом.

Дрогнули складки одежд. Свет безмолвье залил.
Слов хворост горит под ногами божественности.
Не открытые объятья открылись от безнадежности пасть в них.
Возлюбленный пел сияющим гласом
О том, что я заблуждаюсь, что Он любит меня воистину.
Как залитый золотом снег, глаза рассыпáлись в слезах...
С гор подул ветер новой весны, раздув волосы
Моей Мучительной Страсти дуновением света.

О, Возлюбленный Мужчина
души моей,
Ибо Ты воплотился в того,
кого любишь,
в мужчину, в меня!
Ведь сияющая вершина любви — стать любимым,
Это чистая страсть, пробившая мечом мой разум,
Сердце отказалось от плоти, желая быть Тобой.
Но как могу я ждать ответа из чистых уст
Сокрытого Возлюбленного, недостижимых для уст
Сладости божественных очей горнего Путника?

Последний плач многогреховной жизни.
Последних слез невыплаканный дождь.
Задело облако за кипарис высокий.
Так Ты задел мне вянущее сердце.
О, как Ты любишь, никто не сможет!

Ожили улицы полу́ночных Салоник,
И я спешу средь ночи, но куда? —
Быть может взять бутылку и испить
Красивого «краси», чтобы забыться?
Но Ты — один предел моих скитаний.
Раскрыты ночью южной для Тебя
Все ставни опозоренного сердца.

Чащи Парадиза темны и пустуют:
Темны, ибо свет — это тьма;
Пусты, потому что не могут вместить
Тот Одинокий Цветок!

Бог нас целует, слезы утирая
С ланит измученных скитальцев быстрой жизни,
Хоть знает, что падем мы в этот час, —
И чуть трепещут замершие кости,
Не в силах от объятий ускользнуть
Непостижимого, страдающего Солнца.

Золотая любовь Твоя,
Как сиянье луны в мое окно.
О, Ты не обманешь, как все в этой но́чи,
Которая кончится с жизнью.

Любимый отец, да умолкнут слова,
Они затеняют все то, что познала душа.
Послушай тот стук, коим вся душа так полна,
Ведь сердце руки свои, разбив о врата
Мысленных уст, оперилось, звенит, как струна,
От страданья тоски по тебе безысходной, о, воин.
Грешное, полное нечистот и все в ранах,
Прислушайся: нет слез и обид,
Лишь стук отбивает, бьет слова кастаньет,
Они на его языке поют, говорят непрестанно,
Распяли руки мои кастаньеты безбуквенных слов.
Ведь слова истомляют невыносимостью букв...
Облачко прилетело ко мне жемчуговосладкое с Востока,
Облако невиннейших надежд оросило розы Афонских скал...
Унесло из глаз Оно пророка и Себя, унесло далёко: так вырывают меч!
Дало надежду мне — часть твоих одежд, черную ночь.
Плащик малый в руки мне ты бросил, я еле успел подхватить,
Ведь ты ждал этого всю жизнь: плащик малый закрыл мне белый свет,
И тяну я кораллы уст души надприродно и надмирно
К Лику безнадежнобезмолвнолюбимому.
Сгорело сердечко мое, прахом к ногам легло...
На улицах тихого града
Пыль ночная, прохлада сумерек
И ноги бессонных влюбленных...
Они идут в дома, где нет Никого,
Где веера мотыльков мертвых
Украсили пыльные окна ожиданья,

Нет встреч и расставанья
Там, где сердце мое, сгорев,
Строит тени
На руинах твоей вечной любви,
Которые строили на слезах
Сотни луноногих пророков
Скалистобескровных,
Жестоколасковых
Богов Господа...
Я жемчужины посеял во прах:
Взошло нехмельное Вино;
Оно не пьянит, его не взять во уста,
Оно кораллы спугнуло губ
Той девы, которой я притворился,
Ибо маска души истиннее обличья,
А безликость близости рождает простые образы Непостижимого:
Мальчик, Старец, свободная Молния, в цветах весны
запутавшаяся, как в «оковах»,
Ты как Ты, Я — телесно как Ты (так я Его попросил, отпивая
из горнего Кубка).
Я так неискусен в словах, но шепчет во Чаше Вино,
Оно сокрылось в Чаше и принуждает быть Тобой.
Оно мучает меня любовью каждый нисан недели:
Лишь Его я вкушаю, приходит в душу горячий огонь страстей,
Помысел бесформенный мгновенно убивает.
Будто лики тысяч зверей с моим лишь лицом...
Открывают источник отравы,
«(нрзб.)», кажется, ты называл его...
Мальчик мой Белоснежный сокрылся, черные цветут орхидеи...
Раньше Он оставался на ложе со мной и утешал меня весь день
и более...
Но вот, звери-оборотни (и все они — один помысел-клык),
Оскверняя мое тело непостижимым образом
(Я схожу с ума, отец, любимый, мягкосердечный!!!),
Молниеносно делают мое тело Темницей зловонной Ему,
Жениху души, чистейшему Отроку облак,
Ведь я, Им бывая в тот день, как бы вина Его «поруганья»,
Я стал бояться к Дарам подходить,
Стал летуном одиноким в сердца руинах...

Стал, как несчастный влюбленный, мрачен и дик, одинок
и насмешлив...
Сошел с ума и сошел во ад!!! Новый, страшный, холодный...
Я стал посмешищем всех, изгнан всеми, плешивый...
Стал твоих скрижалей насмешкой...
Не говори «предатель». Я умираю с твоим именем на устах.
Ты поднял меня на крест, от которого не вкушал
Никто из слуг верных твоих и сынов. Крест любви, поругания и ада.
Твоя любовь ко мне есть мой Путь, истинный путь монаха.
Я побежден помыслами, я поруган ими и собой,
Многих во ад чуть не стащил, безумный...
Но осталась твоя хризантема
За пазухой несчастливого воина-книжника,
Да гимны воинственные твои,
Несколько свитков за пазухой...
«Бусидо» шафранное в багрянице,
Опытный клинок страдающего отца.
Но вот скажу тебе страшную тайну:
Любишь ты меня, Отрок также таинственно любит,
Только ты забываешь, и Он меня сторонится,
Будто я нечто иное, чем я, понимаешь?
Я не могу без тебя жить,
Ибо ты стал преградой к последнему Вину,
К взоробезбрежнолюбвеликожеланному Богу...
Вино стало говорить со мной на новом языке,
Отлучив меня от Своих алтарей светоуханных,
Но напоследок Оно явило мне чудо,
Оно окутало лик мой твоим лишь телесно:
И я чуть почувствовал твою мысль,
Будто я стал Тобой на миг: «Елисей, сынок!»
До этого я думал, что Ты забыл меня, пророк.
Ведь весь человек я, к несчастью...
Но и в тебе, отец, есть человек.
Послушай, как бьется оно:
... ... Ритм безупречен, безлик...
Пишет Грета Гарбо: «You'll have to be quick...», и не больше.
Не погнушайся моим истинным лицом,
Белокурый мальчик кудрявый сходит с ума
От безысходности ума, пойманного благоговейной странной Рыбой.

Я, одев этот череп, натянув плоть, которая завтра станет прахом,
Целовался с Божеством. Это был почти поцелуй,
Сделавший мое сердце больным навсегда
(Оно болит все больше и больше,
И о смерти я уже думаю всякий день...),
Но это не была человеческая любовь... Этот миг
Растянулся на вечность... И тебя я люблю
В вечности... Бог делает изо льда вино:
Он растопит твое сердце, ведь мой Кубок — последний...
Неужели Он не напоит тобой меня до смерти,
Ибо я понял, что достоин ее, ибо я плешив...
Смеюсь! Я смеюсь как ребенок, читая твои скрижали...
Ты ли подумал, что я не воин, не меч в руках твоей тени,
Ибо ты убил меня, болезнь во мне... Луноликий самурай!
Не бойся, я сам этого хотел и поэтому вызвал тебя на бой
(чтобы умереть от тебя),
Я просил любви, а не жизни, отец, ибо любовь — Путь монаха...
Твой меч глубоко в груди моей, вынь, так больно, учитель!!!
Мысленный растлитель целует руки убившего его.
Сотри кровь мою с клинка утренней хризантемой,
Ибо нефрит озер ждет винноцветность зыбей Эгейских...
Я бросаюсь горами, деревьями,
Я разбиваю ветер, как ломкий хрусталь...
И в этом виноват ты, отец. Я видел лик твой во сне...
Но ты совсем другой... Ты совсем другой...
Я пьян тем, что... это ... ты не смог скрыть от меня:
Мальчик открыл твоему мальчику-Елисею всё.
Это была близость поцелуя с Ним... И снег...
Ослепительный снег, который застилал цветеньем своим
Радостный, ошалевший ум. Я жил... Жил...
Я был красив, так красив, красивее красивого, и...
Чистая душа, без ничего... без имени... без сожалений.
Так я люблю тебя, о Мальчик Мальчика, безымянно
и надприродно...
Вот и все. У тебя на руках исповедовался умирающий.
Оботри слезу, мудрец, слезу Елисея, сына Сафата.
Да! Я сошел с ума!!! Отрок-роза в безвидном хитоне уже давно
отвернулся от меня.
С весны в ущельях Афонских прошла вечность!

Тело породило мне страдание ума невыносимое,
Я шатался с болью в голове, грешил всеми грехами,
(нрзб.) ночами не спал ни минуты,
Адские муки терпя и страдая от боли клинков,
От стыда великого пораженья, учитель...
И это видели все твои ученики и презрели меня, устыдившись...
(нрзб.)... :
(нрзб.), надо мной посмеялся, я ж плакал...
И все прочие тоже, заметив ничтожество, дивились,
В лицах трепетных сокрывая презренье,
Боли в груди возрастали, и я устремился, печальный,
К Ивúрским отрогам и там умолял Пресвятую, давая обеты...
Вдруг все боли в груди, как грозы ушли,
Засияло ... солнце покоя, казалось, надежды воспряли.
Но явились «мумии» ума и я бросился к ним
И сошел с ума... О, если бы мне умереть!!!
Пришла ночь страданий, воспарила луна,
В ночах она единая, овевает светом дерева и руины,
И я заплакал от воспоминания о тебе...
Неловкая рука безумца пролила тушь на белость бумаги...
Луна повела меня к тебе, и мне казалось,
Будто ты идешь ко мне, а я — во свете ее — к тебе.
Думал, утешишь меня, простишь,
Возьмешь мою бедную голову в руки... и уйдет боль...
Такт шагов как стук сердца: оно проросло луной.
И мои очи от тоски к тебе стали белесыми,
Но в луне мы встретились и обнялúсь...
Она покрыла ущелия снегом своих лучей,
Верная попутчица наших странных Любовей, отец,
И я, посмотрев ей в глаза,
Сказал: «Завтра утром последняя схватка...
Учитель сказал, и я исполню, как могу...
Готов умереть, готов... Но прежде...
Минута с тобою, учитель,
Минута с Любовью Безличной,
Сверхипостасной, таúнной,
И пусть заблистают убийственные клинки
Над жалким телом
Твоего неумелого ученика...»

Комментарии

Почему я так нечист? Скажи, не скрой! … (С. 16.)

Падала роса на отроги, мотылек… — Мотылек — один из основных образов суфийской поэзии; через образ мотылька, сгорающего в огне свечи, описывается «фана» — растворение души ищущего в Господе: «О птица чудная любви! ‖ Учись у мотылька, ‖ Душа которого сгорит ‖ Ни звука не издав.» (Рузбехан Ширази).

…Коснись его перстом… — Здесь под «перстом» подразумевается «перст Божий», т.е. Святой Дух (ср. Лк.11, 20).

…Саваофа, Спасителя мотыльков… — Саваоф (евр. צבאות), одно из имен Бога в ветхозаветной традиции (напр., Зах.14, 17).

Плоть рвет душу мою у цветущего Парадиза…. (С. 17.)

Плоть рвет душу мою… — Плоть здесь сравнивается со львом (ср. Плач. 3, 10).

…И осыпаются розовые лепестки… — Классический образ восточной поэзии — любовь розы и соловья — часто встречается у Фотиса. Персидские поэты — и Фотис вслед за ними — старались придать этому образу более глубокое и неожиданное значение. Например, Ираки, иранский мистик XII в. по Р.Х., писал: «Ты слышишь пенье соловья, струящееся по стеблю цветка, — ‖ Цветок поет, хотя слышишь соловья.»

…В надрывном пении саза. — Саз — традиционный струнный персидский инструмент, звуки которого нередко сопровождали суфийские «сэма» (богослужения).

Не думайте, что умерла любовь! … (С. 18.)

…Через три дня она восстанет… — Ср. Лк. 9, 22.

…Ворвется в панцирь черепахи… — Указание на античный миф о Гермесе, сделавшем лиру из панциря черепахи. Панцирь сравнивается здесь с черепом. На Святой горе Афон принято на останках (на черепах) начертывать имя и годы жизни подвижника.

Я уже не тот, Господь! … (С. 19.)

…Так орхидеи вцепились… — Дикие орхидеи покрывают развалины некоторых афонских келий.

Пой сладко, Давид, когда горько Саулу! … (С. 20.)

Пой сладко, Давид, когда горько Саулу!… — Ср. 1 Цар.18, 10.

…Нардом оботру мокрый от солнца лик… — Нард (евр. נרד) — растение, входившее в состав благовоний.

…Виссоном соберу пот. — Виссон (евр. שש) — дорогая ткань, мистически толкуется как «праведность святых» («белый виссон»: Откр.19, 8).

…В Скинии— «Аллилуйя»… — Скиния (евр. משכן).

…Копье метну я… — Ср. 1 Цар.18, 11.

Как тяжелы последние слова… (С. 21.)

…Невозвратности. — Т. е. смерть.

…Скажу: «хочу я быть Твоею пери, Боже»… — Пери — прекрасный и коварный дух с обликом женщины из персидской мифологии; в системе образов исламского мистицизма обозначает красоту и негу Божию. Однако Фотис здесь в очередной раз «переворачивает» традиционный образ, неожиданно применяя эпитет «пери» не к Богу, а к себе. Таким приемом он к тому же «христианизирует» этот образ, ибо в исламской традиции принято акцентировать внимание на любви человека к Богу, а не Бога к человеку, как в христианстве.

…Молчанье ужаса сплетется с мигом страсти… — Т. е. божественной любви.

Приди, как сиянье бирюзовых морей, залей небеса… (С. 23.)

…Гарбо позирует Саваофу, Грета, бедная Грета !… — Грета Гарбо (псевдоним, наст. фамилия Густафсон) (род. 18.9.1905, Стокгольм), «таинственная Гарбо», шведка, американская актриса. С 1926 г. снималась в Голливуде. Создала образ ранимой, загадочной и несчастной женщины. После 1941 г. одиноко жила в Нью-Йорке, почти не показываясь на людях. См. также ниже, стихотв. «Любимый отец, да умолкнут слова...». Вероятно, Фотис толковал образ Гарбо как образ своей души (ср. второе примечание к стихотворению «Как тяжелы последние слова...»).

…Белоснежное Облако сохранит сердце… — «Облаком» называет Бога прп. Симеон Новый Богослов в «Гимнах» (Прп. Симеон Новый Богослов, «Гимны божественной Любви»: Гимн 17, стр. 374–379).

…На котором взор Бескровного Бога… — Апофатический эпитет Бога, «созданный» согласно словообразованию у Дионисия Ареопагита и у других богословов. «Бескровный» — здесь — «нематериальный».

…Начертал бессмысленные слова песни ума… — «Пение ума» — термин аскетической практики исихастов (безмолвников), характеризующий состояние «исступления», т. е. прекращения мыслительной деятельности при созерцании божественной Красоты. Учение исихастов о «пении ума» перекликается с платоновыми рассуждениями о мани́и, мусическом искусстве как одном из видов священного «неистовства» (ср. Платон, «Федр» 244a–249e).

…Ума, нежнораненого… — «Сладчайшая рана ума» — оксюморон, восходящий к «Гимнам» прп. Симеона Нового Богослова и поздним текстам исихазма (встречается у прп. Каллиста Ангеликуда).

…возлюбленным Воином… — Под «возлюбленным Воином» Фотис подразумевает Иисуса Христа.

Мальчик, прииди, горнеликий… (С. 24–25.)

Мальчик, прииди, горнеликий… — Неологизм Фотиса; букв. «имеющий горний лик», т. е. «небесный лик».

...*Мальчик Трисолнечный...* — Неологизм Фотиса; указывает на принадлежность «Мальчика», т. е. Иисуса Христа к Святой Троице. Образ «мальчика» имеет у Фотиса несомненную связь и с исламской традицией. Прекрасные юноши — одна из аллегорий райского блаженства (единения с Богом) в Коране: «Они [праведники в раю] передают одни другим кубок, — нет пустословья там и побуждения к греху. И обходят их юноши, точно сокровенный жемчуг» (Коран 52, 23–24). Вероятна также перекличка с некоторыми суфийскими учениями, в которых практиковалось *назар ила-л-ахдас*, «созерцание юношей», столь осуждаемое другими мусульманскими учителями. Так, имелся «приписываемый» (весьма сомнительной достоверности) хадис, в котором Мухаммад свидетельствует: «Я видел Господа в образе красивого юноши, в шапке набекрень». Этот образ оказал сильное влияние на персидских поэтов: выражение *кадж-кулах*, «шапка набекрень», можно найти уже в лирике поэта Аттара.

...*К горноухающим чащам.* — Неологизм Фотиса; букв. «благоухающим горами».

...*Царапая тайную язву ума.* — Ср.: Прп. Симеон Новый Богослов, «Гимны божественной Любви»: Гимн 21, стр. 431–433.

...*Тиграми Калидасы.* — Калидаса (IV в. до Р.Х.), индийский поэт и драматург классической эпохи санскритской литературы.

Перстами, подобными солнцу... — Ср. постоянный рефрен «Илиады» Гомера — «розовоперстая Эос» (богиня зари).

Танат выплеснет... — Танат (греч. θάνατος) — бог смерти в греческой мифологии.

...*килик ума в бездну смерти.* — Килик (греч. κύλιξ) — древнегреческий сосуд для разбавления вина.

...*Разбивая валы пучины мягким мечем.* — Образ моря применительно к описанию Божественного также встречается у Платона: ср. «открытое море красоты» (Платон, «Пир» 210d).

...*Одев последний венок.* — Аллюзия на поэзию Анакреонта и гедонистическую поэзию.

...*Волна — Твои руки и пальцы...* — Прп. Симеон Новый Богослов, «Гимны божественной Любви»: Гимн 50, стр.134–140.

...*Волны две — лодыжки, две Волны — щиколотки Царя-Духа...* — Возможна аллюзия на Аполлония Родосского, который считал правильные щиколотки отличительнм признаком красоты.

... *Волны — живот...* — Ср. Песн. 5, 14.

...*Волна — нетленная грудь Тайны.* — Согласно античным автором (например, Гомеру), грудь является вместилищем чувств, аффектов и духа; образ также отсылает к евангельскому эпизоду, когда Иоанн Богослов, любимый ученик Христа, возлежал у Него на груди во время Тайной Вечери (Ин. 21, 20).

...*На меня! Ведь Волны...* — «Волнами» Фотис, вероятно, называет божественные энергии или проявления Святого Духа.

В такую Бурю... — Буря — согласно Фотису — состояние пребывания в Боге, состояние любви к Богу.

...я уже не вернусь из Моря. — Бога сравнивали с морем как христианские, так и исламские мистики. В исламском мистицизме море обозначает единственность бытия в Боге: «...И если вечное море порождает новые волны ‖ Эти волны — лишь название, суть же — само море» (Кашани). «Море сие никогда не меняется, лишь волны и рябь — на поверхности его. Дно этого моря — предвечность, а берег его — будущая вечность. Если же себя в это море бросишь, это расстояние преодолеешь, предвечность с будущей вечностью сомкнется, и завершение окрасится в цвет начала, а начало — в цвет конца» (Ираки).

... Отца Твоего нежная душа... — «Душа Бога» — антропоморфная метафора.

...Потопившего колесницы Фараона... — В Чермном (Красном) море Бог потопил колесницы египтян, преследовавших еврейский народ (Исх.14, 28).

...Чернокрылый Отец в черном хитоне непостиженья... — Бог в «Псалмах» сравнивается с птицей (Пс. 17, 12). «Черные крылья» символизируют «скрытность» Бога, Его пребывание в «божественном мраке».

...Отрок светоуханногиацинтовокудрый, внезапный. — Неологизм Фотиса (гапакс); букв. «издающий сияющее благоухание от подобных гиацинту (белокурых) кудрей».

Капельки дождя во вкрадчивом веянье ветра... (С. 26.)

...Которое стало Мотыльком и распялось. — Здесь говорится о воплощении и крестной смерти Христа. Контекст отсылает читателя к суфийским («мотылек») и одновременно к даосским мотивам (знаменитый эпизод из «Чжуан-цзы», в котором философу снится, что он бабочка).

Меня учил не унывать Владыка... (С. 27.)

...И вспоминал я то, что сокровенно. — Ср. у Платона: «(знание) есть припоминание того, что некогда видела наша душа, когда сопутствовала богу» («Федр» 249с).

Неизбывною жизнью болею... (С. 28—31.)

Неизбывною жизнью болею... — Название стихотворения, обозначенное на полях рукописи — «Метамо́рфосис двенадцати котов», т. е. «преображение двенадцати котов». Сюжет стихотворения мог быть взят Фотисом из Ветхого Завета, где говорится о том, что Бог из камней может сотворить сынов Авраамовых (ср. Мф. 3, 9).

...Мы в подвалах резвились, искали... — Кошки, прикармливаемые братией для ловли ядовитых змей и скорпионов, в подвалах и коридорах афонских келий встречаются в большом количестве.

...Зрачки как горчичные семена. — Вероятно, аллюзия на притчу о горчичном зерне (Мк. 4, 31).

...*Нам давали призрачные имена*... — Описывая имена котов, Фотис, возможно, отсылает читателя и к Гомеру (перечисление кораблей и имен героев), и к Дионисию Ареопагиту (учение о божественных именах).

...«*Марлен Дитрих*»... — Марлен Дитрих (1901–1992) (псевдоним: Dietrich, Marlene; наст. имя Мария Магдалина фон Лош). Великая немецкая и голливудская актриса, создавшая образ загадочной роковой женщины, страдающей от любви.

...«*Змеелов преискусный Вакхишка*»... — Отсылка к эпитетам у Гомера и Нонна Понаполитанского. «Змеелов преискусный», вероятно, возводит к образу Одиссея у Гомера, а «Вакхишка» к образу бога Диониса (Вакха) у Нонна Панополитанского.

...*И «Прекраснохватающий мышку»*. — «Прекраснохватающий» — определение, напоминающее эпитеты героев гомеровского эпоса.

...*Мы порхали порфирно, острые когти впуская*... — Речь идет об охоте за мышами. Под «порхать» подразумевается прыжок, а под наречием «порфирно» — итог этого прыжка, т.е. кровь из-под кошачьих когтей.

...*Лягушек и змей веероюрких*. — Снова «аллюзия» на эпические сочинения, особенно на сатирические, например, на пародийную греческую поэму «Батрахомиомахия» (ок. VI в. до Р.Х.).

... *Дар морской лозы*... — Море сравнивается с виноградной лозой, что отсылает к мифу о Дионисе и к устойчивому гомеровскому эпитету («винноцветное море» (*οἴνοπα πόντον*): Гомер, «Илиада» песн.5, ст. 771).

...*пленительно соленой*... — Парадоксальное совмещение двух эпитетов. С одной стороны, речь идет о красоте морской глади, а с другой — о ее свойствах.

...*Октоподов*... — Октопод (искаж. новогреч. *χταπόδι* — «осьминог»).

...*супьезок бросая*... — Неологизм Фотиса; происходит от новогреч. *σουπιέζα* («супьеза»), что означает «каракатица». Этот вид моллюсков водится в Эгейском море, в том числе и у берегов Афона. Мясо супьезы превосходит по своему вкусу мясо «фрапсалы» («кальмара»).

...*Требуху морских дивных животных*. — При приготовлении трапезы из свежепойманной рыбы, кальмаров («фрапсалы»), осьминогов — все остатки братией отдаются котам.

...*Заглушающий Патроклоахилловы кличи*... — Стаю голодных котов Фотис сравнивает с войском ахейцев, соединяя в неологизме имена Ахилла и его друга Патрокла.

...*Наподобие дудочек иерихонских*... — Отсылка к библейским «иерихонским трубам» (Иис.Нав. 6, 19), от звука которых рухнули стены города.

...*Но Господь изменил нас, как камни, объяв*... — Ср. Мф. 3, 9.

...*Манна нежная пала, как египетской земли*... — В книге «Исход» (Исх.16, 31) Бог кормит еврейский народ в пустыне манной (евр. מן). Также указывается переносное мистическое значение «манны» — невещественная сладкая пища ума, которой кормит созерцателя Бог.

...*Оранжевый прах.* — Ветры приносят на Афон частицы песка из Египетской и Аравийской пустынь. Прах Египта, т. е. мира греха, противопоставляется «божественной манне».

...*Бог нас в хлеб превратил...* — Сложный образ, полный множества ассоциаций. Бог превратил монахов в христов (по благодати, так как «Хлебом» Свою Плоть называет Христос: Мф. 26, 26). Возможно прочтение и в том смысле, что Бог сотворил хлеб для Себя, чтобы наслаждаться (пировать) душами подвижников, «вкушая» их, и, одновременно, чтобы и они в уме своем вкушали самих себя в Боге.

...*Мы воскресли с мертвым умом...* — Т. е. с умом, мертвым для мирских мыслей и интеллекта. «Смерть ума» — одно из понятий исихастской аскетической практики, обозначающее прекращение естественного мышления, т. е. преодоление умом своей природы. Также возможна аллюзия на высказывание Христа о том, что если пшеничное зерно не умрет, оно не принесет плода (Ин. 12, 24).

...*Глубоколиким...* — Т. е. видящим в своей глубине лик Божий. В данном случае «мертвый ум» (оксюморон) является для Фотиса единственно живым. Противоположное выражение «живой ум» означало бы как раз безжизненность ума.

...*прекрасноуханным...* — Как и предшествующее слово, является неологизмом Фотиса.

...*Строй котов, строй мужей совершенных...* — В рукописи (*«Семь котов, семь мужей совершенных...»*) почему-то поэт указывает число семь, а не двенадцать.

...*Мужей непорочных, жрецов.* — «Жрецами» Фотис часто называет монахов. Выражение «непорочные мужи, жрецы», скорее всего, восходит к образу «жреца непорочного Хриза» из «Илиады» Гомера.

— *Но как было то? — Сумею ль поведать, Панкаллий?* — «Панкаллий», имя одного из котов, превращенных в монахов, к которому обращается автор, явленный здесь в виде кота. «Панкаллий» в переводе с греческого могло бы означать «всепрекрасный» или «во всем прекрасный». Греческое слово «панкалос» означает «чрезвычайно красивый».

...*Лучше же Каллистом я нареку тебя...* — Игра именами: «Каллист» означает в переводе с греческого «самый красивый».

...*Что луною объята, виннолунным сияньем.* — Суфийские образы вина и луны создают неологизм, т. е. эпитет «виннолунный». Луна в суфийской поэзии символизирует образ Возлюбленного, а вино — любовь. Эпитет «виннолуный» Фотис относит к «сиянию», объединяя в этом сочетании терминологическую систему суфиев и исихастов.

— *Слушай же, бедный, зовомый теперь Елисеем.* — Автор стихотворения ассоциирует себя с котом, от лица которого написано стихотворение. Имя «Елисей» было отнесено к коту после «превращения» (метаморфозы) в монаха.

...*И «Фантомноумершим»...* — Эти эпитеты Панкаллий относит к Елисею (вероятно, это действительные прозвища монаха Елисея, данные ему братией).

...*Выпустивший божественного желанья...* — Эпитет «окрыленный» (см. выше) отсылает к учению Платона о божественном эросе (ср. «Федр» 251b-d), а «когти желания» вызывают в памяти Шекспировские «Сонеты». Здесь также присутствует аллюзия на «Гимны» прп. Симеона Нового Богослова, в которых ум аскета сравнивается с кошкой, охотящейся на «мысленную мышь», т. е. на помысел (Прп. Симеон Новый Богослов, «Гимны божественной Любви»: Гимн 21, стр. 403—407).

...*Мышь небесную дивной мысли о Боге...* — Еще одна аллюзия на прп. Симеона Нового Богослова. Но если в «Гимнах» Симеона мышь означает дурной помысел (Гимн 30, стр. 65), то у Фотиса наоборот — мышь названа мышью «божественного желанья», т. е. божественного эроса. Здесь есть также намек на представление о «двух видах мышей», сопоставимое с учением Платона о двух видах Афродит и двух видах Эротов: Афродита Урания («небесная») и Афродита Пандемос («пошлая», «народная») (См. Платон, «Пир» 180c-e).

...*И я утучнюсь...* — Снова оксюморон Фотиса. Он говорит о том, что после смерти «насытится» мыслью о Боге, т. е. вкусит крылатую и легкую любовь, отчего станет «тучным». В античной и эллинистической поэзии слово «тучный» синонимично слову «прекрасный».

...*крылатой и легкой Любовью!* — Скрытая аллюзия на диалог Платона «Федр» (252c), где речь идет о крылатости Эрота, которого боги называют «крылатым Эротом», т. е. «Птеротом» (это наименование также встречается в поэзии Фотиса).

...*Вот, начинаю песнь надмирных мелодий...* — Т. е. гимнов.

...*Горы охвачены тишиною: горный сумра́к...* — Вероятно, аллюзия на стихотворение Гете «Горные вершины...» («Im allen Gipfeln ist Ruh..»).

...*Стал их ветром, аврою мглистой...* — Греческое слово «γνόφος», означающее плотную облачность, сумрак, является ключевым образом апофатического богословия Дионисия Ареопагита («Послание к Тимофею»).

...*Томящей и пробуждающей цветы...* — Вероятна аллюзия на одно из стихотворений Гельдерлина.

...*Дабы златоуханными голосами ...* — Неологизм Фотиса; образован от слова «благоуханный». В данном случае означает — «благоухающий ароматом, подобным по красоте золоту». Также возможна отсылка к определению красноречивого ритора как ритора «с золотыми устами».

...*Любовнопленительный Логос.* — Так Фотис называет Иисуса Христа.

...*Кто «Скалой» наречен и полон...* — Обычно «скалой» Елисей называет своего Старца.

...*Бескровножреческих гимнов, крылатый...* — Т. е. гимнов, совершаемых теми, кто приносит бескровную жертву.

...*Старец с Нектарной Планеты — Христа...* — «Нектарной Планетой» Фотис называет Христа. Здесь идет указание на то, что Христос является «планетой» (от греч. πλανάω — «скитаться»), т. е. скитальцем и странником в мире, который «не имеет, где приклонить голову» (Мф. 8, 20). «Бо-

жественным нектаром» также называется напиток богов, т. е. обоженных созерцателей. Пространное учение о божественном нектаре дано в богословии прп. Каллиста Ангеликуда.

...*Тень Тысячесолнечного Отца.* — Неологизм Фотиса. «Тысячесолнечный Отец» — Бог-Отец, сияние Которого подобно сиянию тысячи солнц. Своего Старца Фотис называет «тенью Тысячесолнечного Отца», т. е. тенью Бога.

...*Очами божественного Леопарда.* — «Божественный леопард» — Христос. См. место из Священного Писания, где грядущий Мессия назван «львом от колена Иудина» (Откр.5, 5).

...*Липкую, как мед поцелуев Льва.* — «Лев» — также Христос (ср. Откр.5, 5).

...*Из пещеры тенистой Гефсимании...* — Пещера Гефсимании — гроб Христа, пещера Воскресения. Также отсылка к мифу о Геракле и логове Немейского льва.

...*Все, как один, в ряд, как сыны пышнопоножных Ахейцев...* — Традиционный эпитет Гомера, используемый по отношению к ахейским воинам.

...*И обступили его, увенчанного простым Трисветлым Птеротом...* — «Трисветлым Птеротом» Фотис называет Святую Троицу. Наименование «Птерот» восходит к Платону («Федр» 252с). Здесь видна аллюзия на Платона об Эроте и также дано указание на то, что Бог есть любовь.

...*Искрилось под ветром наших восторгов...* — «Под ветром...» — очевидно, имеется в виду веяние Духа Святого.

...*И Голубю Саваофа, милого Отца...* — Имеется в виду Святая Троица как Саваоф (Бог Отец), «Лев Саваофа» или «лев от колена Иудина», т. е. Иисус Христос, и «Голубь Саваофа» (Святой Дух).

...*Воспойте, горы! Винная гроздь солнца...* — Ср. Пс.97, 8.

...*Источись в кубок ущелий, утоли...* — Речь идет о мистическом причастии Бога, уподобленном причастию во время Евхаристии («гроздь солнца», «кубок ущелий»). Под «кубком ущелий» подразумевается евхаристическая чаша.

...*Жертв Тебе, бескровных, благоуханных.* — Речь идет о принесении бескровной жертвы, т. е. служении Литургии.

...*Бескровный жрец воздел руки над чашей...* — Ритуальный жест во время совершения Божественной литургии.

...*И умы наши стали чашей бескровной.* — Отсылка к Дионисию Ареопагиту, Никите Стифату и Каллисту Ангеликуду, к учению о божественных «растениях ума».

...*Сыноотцова Любовь, Ты безбрежнонежен.* — Речь идет о божественной «двоице» Сына и Отца.

...*Отцесыновний Эрос, верен любимым своим.* — Имеется в виду два вида божественной любви, названной «Эросом» — с одной стороны, это любовь Сына к Богу Отцу, а с другой — Бога Отца к Сыну.

...*Отцесынодухожеланен, безликий.* — Здесь говорится о Святой Троице. Фотис вводит неологизм, для того чтобы подчеркнуть единство Отца,

Сына и Святого Духа, а также единство ипостасной любви между лицами Святой Троицы.

...*Благоуханноотцесынодухонепостижимопрекраснопленительноти-ховысок.* — Неологизм указывает на различные качества божественной любви.

...*И все не обретаешь узорчатого хитона.* — Ср. Мф. 22, 12.

...*Я, Панкаллий, певец Сияющей Ночи.* — Под «сияющей ночью» подразумевается Бог. Отсылка к учению Дионисия Ареопагита о «божественном мраке», также возможна перекличка с «Гимнами» Новалиса.

...*Для ума, цветущего...* — На этом поэма обрывается.

Ко всей земле ревную я тебя... (С. 32.)

...*О мой отец...* — «Отец» — здесь и далее это обращение относится к учителю монаха Елисея (Фотиса) — старцу Симеону.

...*о Новый Илия...* — Отсылка к именованию прп. Симеона «Новым Богословом». Фотис сравнивает своего Старца с прп. Симеоном Новым Богословом. При этом себя он уподобляет тому же Симеону (см. ниже, «Новый Елисей»). История Симеона Нового Богослова известна из жития, написанного учеником Симеона, прп. Никитой Стифатом.

...*Уже изрек пророчества Вефиль.* — Вефиль (евр. ביתאל): по дороге в Вефиль пророк Илия был взят Богом на небо.

...*Жених воспримет облика черты...* — Т. е. Иисус Христос.

...*Ведь пустота есть Плоть, тебе не лгу...* — Т. е. «Плоть» Бога, Его природа (согласно Дионисию Ареопагиту).

...*И ты, познав желанье Пустоты...* — Поскольку в мистической традиции Сущность Божия не может быть описана никакими мыслимыми атрибутами, и исламские, и христианские мистики не раз говорили о Боге как о «пустоте», подразумевая здесь «отрицание отрицания» (то есть пустота здесь обозначает отрицание всего тварного, всего не-божественного). Сходный подход, по-видимому, демонстрирует и даосизм (ключевое для этой религии понятие «дао» и обозначает примерно «высшую пустоту»). В исламском мистицизме, однако, обычно говорят не о «божественной пустоте», а о «черном свете». В дзэнбуддизме (школа сото) одним из ключевых понятий является «пустота» (яп. «му» 無), или «шу́ньята». Шу́ньята (санскр. शून्यता, śūnyatā; пали: sunnata, буквально — «пустота, ничто, не-существование») — понятие философии буддизма, полагающее отсутствие собственной природы вещей и феноменов (дхарм) в виду их обусловленности и взаимозависимости. Важным источником учения о пустоте является «Сутра Сердца Праджняпарамиты», почитаемая во всех школах Буддизма Махаяны и являющаяся ее основной.

...*И крови причастишь меня Своей...* — Фотис говорит здесь о своем Старце, как о Боге, подражая прп. Симеону Новому Богослову.

...*Шепча любовно: «Новый Елисей...»* — Елисей (евр. אלישע) — имя, данное автору при пострижении в схиму.

Сказав мне «усни, засыпай, о ученый»… (С. 33.)

Сказав мне «усни, засыпай, о ученый»… — Здесь, вероятно, Фотис цитирует слова своего старца Симеона, также просматривается аллюзия на Платона, который говорит о сне, как некоем состоянии забвения. Вероятно, старец монаха Елисея призывает того «уснуть» — уйти от интеллектуального восприятия мира, т. е. перестать быть «ученым».

…Искр Его многовидных ответов… — Понятие «искра» (греч. σπινθήρ) восходит к гностикам и обозначает некое проявление Божества. У гностиков «σπινθήρ» символизирует искру жизни.

…Йоту соклевывая святую… — См. Мф. 5–18.

…Липкомедовых словес Белоснежного лика… — Т. е. лика, осиянного божественным светом. Эпитет «белоснежный» носит у монаха Елисея мистический характер и относится к Иисусу Христу.

…Болью упившись горячки Любовной… — Фотис ссылается на представление о некой «любовной болезни», относящееся к исихастам, но восходящее к платонизму.

…Отчесокрытые черные тайны вбирая… — Тайны Бога «черные» потому, что сокрыты в божественном мраке. Образ основан на мистике Дионисия Ареопагита (см. выше).

…Сердце теперь двояко единовидно стучит: «тук-тук». — Отсылает к учению исихастов о божественной диаде (Отец-Сын), а также учению о Едином, познание Которого «единовидно» (Ангеликуд).

Я с высей чистых ниспадаю вниз… (С. 34.)

…Но я — страданья капля, не Иблис. — «Иблис» (арабск.) — так диавол именуется в Коране.

…А Ты… как куст, что рос принять не может. — Ср. Втор. 33, 16.

…Твои цветы, незримые для рос… — Здесь росы, упавшие на цветы, сравниваются с глазами, которые созерцают цветы.

…Всё убегают от моих желаний… — То есть, цветы Бога (познания Бога), убегают от желаний, т.е. от желания их познать.

…Укануть в них, и ливнем… — «Укануть» — упасть.

…Я капля. Ты — бескрайний океан… — Противопоставление капли и океана восходит к суфийской поэзии и герметической традиции.

…Безвидный, что подобен Солнцу Ночью. — «Солнцем ночью» Фотис называет как Бога Отца, так и Иисуса Христа.

Когда о любви к тебе думал и думал… (С. 35.)

…На ней же играет Сам Дух, через тень твою, трудно изречь… — Фотис указывает на сирийскую (вообще восточную) традицию, по которой богословов и гимнографов называли «цевницей», т. е. свирелью Святого Духа.

…В тот миг я почувствовал: Небо Ночное сказало… — Речь идет о Боге.

...Мой Симеон, только Мой! Не дерзай познать это мыслью! — Имеется в виду Симеон, старец монаха Елисея. Таким образом, Бог указывает, что человеческая любовь, даже самая высокая, не может присваивать себе то, что является достоянием любви божественной, т. е. Бог «признается в любви» старцу Симеону и как будто «ревнует» его к ученику (Елисею).

Прекрасен серп луны над головою... (С. 36.)

...Мы снова как-то встретились с тобою... — Фотис, скорее всего, говорит о своем старце, монахе Симеоне.

...И я увидел: это ты отчасти... — Здесь речь идет о преображенном образе Старца. Поэт сравнивает его с животными: то со львом, то с орлом.

...Ты воспорхнул туда, где смертный не был... — Возможно, описание полета старца во время молитвы.

Взмахни крылами, пророк, упорхни мотыльком... (С. 37.)

...Как перевернутая чаша неописуемой любви. — Т.е. божественной любви ученика к своему старцу.

...Неведение мое о тебе, называющее себя «любовью». — «Неведением» или «любовью» Фотис называет свое отношение к старцу, указывая при этом, что такое отношение нельзя назвать «любовью» в человеческом понимании.

...Я зрел полет твой, тихий, как «слабость» ума... — Здесь Фотис, вероятно, говорит о «немощи ума», т. е. не о слабоумии, а об ослабленности ума, которая является итогом Богообщения (Ангеликуд).

...Стремясь к безвидной страсти высочайшей болезни. — Определение божественной любви как «высочайшей болезни» восходит к текстам прп. Симеона Нового Богослова, который сравнивает «страстную» любовь с болезнью, недугом (πόνος) в «Гимнах».

Мучительная Страсть, тихая Любовь... (С.38.)

...Не утешишь главу раненого льва... — Здесь, скорее всего, Фотис говорит о самом себе.

... Почувствовала кольцо обручения... — Образ власти и рабского подчинения, восходит к суфийским поэтическим образам, например, в поэмах Ансари.

...Его черных покровов, Его сладостных силков! — Образ силков был широко распространен в суфийской поэзии.

...И ты почувствуешь свободу раба, златокудрый брат, милый! — Этот образ, объединенный с образом послушника, также часто можно найти в стохах Фотиса. Эпитет «златокудрый» восходит к романтическим доминантам немецкой поэзии.

...Ты отпрянешь, свобода раба непереносима! — Здесь, вероятно, говорится о тлении тела и связанной с этим невозможности человека приблизиться к нему.

...*Твоего сокрушившего меня рая.* — Видимо, намек на древо познания добра и зла (Быт. 2, 9).

Слезы Возлюбленного по мне стали нефритовой росой... (С. 39.)

Слезы Возлюбленного по мне стали нефритовой росой. — Устойчивый образ китайской поэзии. Нефрит (кит. 玉, «юй»; часто неточно переводится как «яшма») высоко ценился китайцами, которые называли его «камнем жизни». Китайские философы приписывали нефриту пять основных достоинств, отвечающих шести душевным качествам; его мягкий блеск олицетворяет милосердие, его твердость — умеренность и справедливость, полупрозрачность — символ честности, чистота — воплощение мудрости, и его изменяемость олицетворяет мужество. Старинная китайская пословица гласит: «Золото имеет цену, нефрит же бесценен».

...*В каплях холодных тумана отразилась луна Его Лика.* — Метафора «луна лика», скорее всего, восходит к суфийской поэзии.

...*Ложе я разделил с мужчиною, женщиною и собою...* — Здесь, вероятно, Фотис следует традиции прп. Симеона Нового Богослова, который в своих гимнах обличал себя в самых страшных грехах, которых не совершал (Прп. Симеон Новый Богослов, «Гимны божественной Любви»: Гимн 24, стр. 74–81).

...*Предал я любовь к моему Солнцу.* — Под «солнцем» подразумевается Бог (ср. Мф. 5—45). Традиция называть Бога «солнцем» восходит к Платону и платоникам, а в христианской традиции — к Ареопагиту и другим Отцам.

...*Соловей моего рассудка, помедли в моих объятьях...* — Соловей — устойчивый образ суфийской поэзии (см. выше).

...*Жду горлицу Твоего поцелуя, Галилеянин!* — Галилеянин — Иисус Христос.

Ко мне не подходи! Я нынче пьян... (С. 40.)

...*В небесный Хорасан.* — Хорасан — малонаселенная область на востоке Ирана, включавшая в себя также Афганистан и часть Средней Азии. В исламской иранской мистике образ Хорасана иногда использовался для обозначения иного, высшего мира (хотя чаще в этом качестве упоминалась Индия). Кроме того, большинство знаменитых иранских мистиков происходило именно из Хорасана, и, возможно, этой фразой Фотис подчеркивает некую духовную связь своей поэзии с ними.

Когда развалины в сетях плющей черны... (С. 41.)

...*Тебе скажу, я вовсе не мутриб...* — Слово «мутриб» в персидском и арабском языках обозначает музыканта и певца, а также человека, делящегося своей радостью с окружающими. Кроме того, в исламской мистической традиции так называли и «совершенного ученика», и «совершенного учителя».

...*Счастливую тюрьму...* — Вольная цитата из К. Кавафиса.

И ты пригубишь этой жизни яд... (С. 42.)

...*И внешности: все лгут, пусть и невольно.* — Ср. Пс. 61,10.

...*Хитона Господа, что зелен, как смарагд.* — «Смарагд» — изумруд.

Иерихонскими розами грудь твоя расцвела... (С. 43–45.)

...*Ощущаю отцеликие лобзанья Отцовы...* — Т. е. «поцелуи отца» (Старца) по сущности уподоблены «поцелуям» Бога Отца.

... *ведь ты Бог по благодати...* — Так монах Елисей (Фотис) обращается к своему Старцу.

...*как изрек апостол Благодати...* — Т. е. апостол Павел.

...*Взором, полным цветущим мраком Сиянья...* — Вероятно, отсылка к неоплатоникам (Плотин, Прокл) и халдейским оракулам, писавшим о «цветении ума». Под «цветущим сиянием», вероятно, понимается божественное сияние. «Цветущее мраком» обозначает не только сияние, но и божественный мрак.

...*Увлекая единением с Единым.* — Греческий аскетический термин (ἕνωσις) обозначает единение («соединение») с Божеством, бывающее через «исступление». Использовался сначала неоплатониками, а затем появился в учении исихастов.

...*Ты Сущность! И Та, и Та!* — Это место соответствует писаниям свт. Григория Паламы, в которых говорится о двух сущностях Бога, одна из Которых непричаствуема (вышесущностная сущность или сверхбожественность, ὑπερθεότης), а другая — причаствуема.

...*Пророк...* — Продолжая учение о «божественных именах» Дионисия Ареопагита, Фотис именует своего Старца самыми разными божественными именами (см. ниже).

...*Нездешний напиток...* — Ср. Ин. 4,14.

...*Неизреченная Бессловность...* — Аллюзия на Ареопагита.

...*Говорящий луч...* — Образ луча (ἀκτίς) взят из богословия Дионисия Ареопагита.

...*Возлюбленный просветленности...* — Скорее всего, здесь идет речь о дзэн-буддийском понятии сато́ри («просветленность»). Сато́ри (яп. 悟, «сато́ри»; кит. 悟, «у»; санскр. संबोधि, «самбодхи» — букв. «просветление») — внутреннее личностное переживание опыта постижения истинной природы (человека), достижение «состояния одной мысли» (*дхьяна*) в медитативной практике дзэн. Считается, что достичь состояния сато́ри можно, помимо медитативной практики, благодаря тривиальным, ординарным событиям и предметам. В японской буддийской традиции сато́ри используется наряду с термином «кэнсё» — (яп. 見性, «самопознание»). Сато́ри можно определить как интуитивное проникновение в природу вещей в противоположность аналитическому или логическому пониманию этой природы: это означает открытие нового мира, ранее неизвестного смущенному уму, привыкшему к двойственности. Иными словами, сато́ри являет человеку весь окружающий мир в совершенно

неожиданном ракурсе. Этот термин сопоставим с исихастским понятием «θέοσις» («обожение»).

...О, уподобившийся Новому... — Т.е. прп. Симеону Новому Богослову.

...О, носивший над главой своей Ксерокеркский сандал... — «Ксерокеркский сандал» — Прп. Симеон Новый Богослов был игуменом Ксерокеркского монастыря св. Мамаса в Константинополе. «Ксерокерк», иногда произносимый как «Ксилокерк» означает «сухое дерево». Вероятно, в данном случае речь идет о мощах прп. Симеона Нового Богослова.

...О, искусный резчик моего лика... — Под резчиком, вероятно, подразумевается некое представление о демиурге, т. е. создателе. Здесь поэт говорит о своем Старце как о том, кто создал его духовный лик.

...А Сын явился Отроком Белоснежным... — Т. е. осиянным божественным светом.

...Стал прекраснейшей из «женщин»... — Здесь, вероятно, речь идет о внутреннем образе души, который считается у исихастов таинственной невестой Христа.

...Презрев подобие тварных диад. — Термин, близкий к термину неоплатоников, здесь, вероятно, используется как учение о двух полах, мужском и женском.

...О, Генада простых диад... — «Генада» — термин философского языка неоплатоников (Прокла), относимый к тому, что исходит из Единого и находится ближе всего к Божеству. Часто использовался христианскими авторами для обозначения божественного единства. Под «генадой простых диад» понимается Бог как Единое.

...Триада... — Т. е. Святая Троица.

...Ты — Диада в цветах Эроса!! — Учение о «диаде» разрабатывалось неоплатониками; у христианских богословов (Григорий Богослов, Максим Исповедник) выделялась диада (двоица) Отец-Сын.

...Я целовал и не мог оторваться 33.000 лет... — Вероятно, аллюзия на количество земных лет Христа.

...И понял я, что целую Отца. — Здесь монах Елисей говорит о Боге Отце, которому уподобился его Старец.

...А Его поцеловать нельзя, ибо Он есть Ум. — Общее место у Святых Отцов — «Бога нельзя увидеть» (ср. Ин.1, 18).

...Меч мой не пробует и́хор бесов... — Слово «и́хор» (древнегреч. ἰχώρ) восходит к эпической поэзии, поэмам Гомера (Гомер, «Илиада» песн. 5, стр. 340) и обозначает «кровь богов», которая представляет из себя прозрачную флегму.

...Зачем? Сатану убьет клинок Сато́ри. — Здесь Фотис использует игру слов: «сатану» и «сато́ри». Слово «сато́ри» 悟 — дзэн-буддийский термин и обозначает «просветление» (см. выше).

...Ибо пленительна Сущность, как прозрачность весны... — Учение о «привлекательности» Бога, уязвляющей созерцателя божественной лю-

бовью, основывается на учении Дионисия Ареопагита, и неоднократно разрабатывалось мистиками-исихастами (Ангеликуд).

...*О, сама сущность зрима очами, и в этом незримость.* — Здесь, вероятно, идет речь о созерцании сущности Божией. Согласно Святым Отцам, например, свт. Григорию Паламе, Божию сущность созерцать невозможно. Возможно лишь созерцание очами ума божественного света как проявления божественной сущности. Это было причиной исихастских (паламитских) споров.

...*О, ликованья сугубого двойственный пеплос!* — «Пеплос» — античное одеяние.

...*В Двоицу вышла Монада и стала Триадой...* — Знаменитое высказывание св. Григория Богослова (Слово XXIX, 2), подробно анализируемое у прп. Максима Исповедника («Амбигвы» XXIII).

...*Третьим я стану из двух...* — Здесь Фотис, вероятно, говорит о том, что он, объединившись сущностью со своим Старцем, станет чем-то третьим, при этом пребывая и собой и Старцем одновременно.

...*ибо стал я тобою всецело.* — Здесь Фотис (монах Елисей) олицетворяет своего Старца с Богом.

Розы лед... — «Розы лед» — игра суфийскими символами, одним из которых является роза как символ Божественной красоты.

...*и тайные песни урана...* — Т. е. песни неба.

...*Выпито Имя «Любовь», имя «И»...* — Это буква и другие используемые здесь буквы, вероятно, являются аналогами божественных имен. Часто буквы таким образом использовались в магических халдейских и неоплатонических текстах.

...*неулóвленным Светом несется...* — Иногда Христос в богословии и христианской поэзии называется «неуловимым» (Нонн из Хмима).

...«*Н» переправилось в «О» и «М» сидонийски зардело...* — Т.е. «багряно». В городе Сидон в древности производили красную ткань.

Ты умер. Я же болью пьян своей... (С. 46.)

...*Ты умер. Я же болью пьян своей.* — Стихотворение, посвященное смерти Христа и написанное в форме газели, построено на суфийской символике.

...*Вчера к Тебе на грудь клонился, кто любить ... привык...* — Т. е. любимый ученик Христа, ап. Иоанн Богослов.

Я трезвенником стал... — Суфийский образ, часто использующийся в поэзии типа «хамрият», т.е. в поэзии «опьянения».

...*я о Вине забыл.* — Т. е. о Боге.

Черная ночь светла... (С. 47.)

Черная ночь светла. — Можно провести параллели с «черным светом» — очень важным понятием в исламской мистической традиции. Черный свет, т. е. нечто совершенно абсурдное согласно обыденным че-

ловеческим понятиям, обозначает сущность Божью. Иранский мистик Лахиджи (XV в. по Р.Х.) так описывал откровение, ниспосланное его учителю — знаменитому шейху Шабестари: «Все миры черным светом освещены, все вещи в цвете этого света, и опьяненный нищий тонет в свете этом, и нити из света ко мне привязаны, и быстро меня вверх тянут (...) и знанием бесплотным я стал! Тогда свет Божий на меня ни с какой стороны без пределов воссиял, и святую Истину я увидел, и растворился я в ней без остатка».

...*Но мраком незримым окутан...* — Вероятно, аллюзия на Дионисия Ареопагита. «Незримый» может означать не только «непостижимый», но и «лишенный зримых образов», т.е. угашающий активность мышления.

...*Зреть ангелов, нисходящих...* — Речь идет об ангельской иерархии, о которой пишет Дионисий Ареопагит в книгах «О божественных именах» и «О божественной иерархии».

В безмолвии светлого мрака. — Перифраз цитаты Ареопагита из «Послания к Тимофею» (1, 1): подлинные таинства богословия открываются в «пресветлом мраке безмолвия».

Ты умер, но в ночи благоуханной... (С. 48.)

Ты умер, но в ночи благоуханной... — О Христе.

...*Твоей любви принять войну сейчас.* — Также суфийский образ, в котором любовь ассоциируется с войной. Ср. стихотворение Мавланы (Джаладдина Руми): «*О виночерпий! Мы горланим, что началась война, Налей вино, цветом розе подобное, Чтобы стали мы все единого цвета! Милый лик Господа-виночерпия — суть обоих миров. Лик цвета вина — примем же этот цвет!*»

...*Я сдамся. Плен Твой легок, сладок...* — Ср. Мф. 11, 30.

...*«Иди сюда, со Мною успокойся».* — Ср. Мф. 11, 28.

Возлюбленного винные персты... (С. 49–50.)

Возлюбленного винные персты... — Т. е. Христа.

...*Возлюбленный, вошедший в лунный Рай...* — Необычный эпитет для Рая, заимствованный из суфийской поэзии. Скорее всего, речь идет о том, что «лунный рай» символизирует некие «божественные ночи», т. е. бывающие в Боге (ср. пассаж об «амбросической ночи» у Гомера).

...*Испил пророка, омочивши край...* — Под «пророком» Фотис подразумевает своего Старца, утверждая, что Возлюбленный, т. е. Иисус, «испил пророка». У позднего исихастского мистика Каллиста Ангеликуда есть высказывание о том, что «Иисус выпивает сердце»; таким образом, старец Симеон является неким «напитком» Христа. Сравнивая своего Старца после смерти с «божественным вином», Фотис себя сравнивает с чашей.

...*Моей в тебе тоскующей главы...* — Здесь монах Елисей сравнивает свою голову (череп) с серебряной чашей, из которой душу его Старца, как вино, выпивает Бог. «Тоскующей» — потому что, даже обладая

Старцем в себе в качестве вина, глава Елисея (череп) отделена от полного постижения Старца.

...В пустотах не принявшей синевы. — Под «синевой» монах Елисей понимает некий аналог божественного мрака, относящийся к непостижимости сущности своего Старца.

Прильнувший к кубку, мотылек упал... (С. 51.)

...Тобой исторгнутый из жизни я летал... — Здесь, вероятно, говорится об оставлении мира и исхождении из мира.

...Как в мраке чернокрылый маленький летун... — Под словом «летун» подразумевается летучая мышь, которая в суфийской поэзии воспринималась как образ отшельника.

...В руинах плоти нам скрываться проще. — Летучие мыши часто живут в развалинах, поэтому монах Елисей ассоциирует душу отшельника с летучей мышью, которая селится в «развалинах», т. е. в теле.

...Ты — Туча, что полна кристальных слез... — Бог часто сравнивается с облаком в «Гимнах» Симеона Нового Богослова (Прп. Симеон Новый Богослов, «Гимны божественной Любви»: Гимн 17, стр.326; Гимн 55, стр. 86—88). В исламской мистической поэзии образ тучи традиционно указывает на сокрытие Богом Самого Себя, т.е. сокрытие Собственной Сущности посредством Своих Имен. Ср. со стихотворением иранского мистика Ираки (XII в. по Р.Х.): «Завеса от Того, перед Кем душа склоняется — ‖ Ведь и облако возникло от щедрости солнца.»

...Коснувшийся вина Твоих волос. — «Вина волос» — «синтезированный» суфийский образ. Здесь, вероятно, идет речь о созерцании Бога Моисеем на горе Синай. Волосы — важнейший образ исламского мистицизма. Согласно шариату волосы женщины должны быть скрыты от посторонних, поэтому они сравниваются с тайным знанием и высшей истиной. Ираки пишет так: «Мы — сказания о любви Его в этом мире. ‖ Мы — зеркало для лика Его, гребень кудрей Его.»

О, знойный жизни этой свет так истомил меня... (С. 52–53.)

К Тебе иду, о мой Халиф... — Этот образ, вероятно, — намек на притчу о возвращении блудного сына (Лк.15, 20). Кроме того, Фотис пишет слово «Халиф» (властитель) с большой буквы, и по этой первой букве дается ассоциация с именем «Христос».

...в селенье горних Роз. — Т. е. в Рай.

...Душа моя — как по весне царьградских стен цветы. — Здесь идет речь о Царьграде, т. е Константинополе, который был захвачен турками-османами. Вероятно, Рай также ассоциируется с Царьградом. Выражение «цветы стен», скорее всего указывает на руины, т.е. на то, что Константинополь («рай») уже разрушен турками.

К тебе, Халиф распятый мой, иду, роняя пот... — Речь идет о Христе. Сочетание «Халиф распятый» — оксюморон. Однако здесь также можно

увидеть намек на смерть Халладжа (полное имя Абу Абдуллах ал-Хусайн ибн Мансур ал-Халладж) (852–922), суфийского богослова и мистик из южного Ирана (Фарс).

...Унижен ими и избит, не зрю дорогу ту... — Ср. Песн. 5,7.

...Твои персты под головой, а правая меня... — Ср. Песн. 2,6.

...Гроб молний... — Часто о сиянии Фаворского света как о сиянии молний свидетельствуют Святые Отцы, например, прп. Симеон Новый Богослов («Гимны»).

...и словесных лоз, где воскресает плоть. — Здесь идет речь, скорее всего о поэзии, которая, как виноградные лозы, оплетает «гроб молний».

...Летун диск головы моей беззвучно обвевал. — «Диск головы» — образ, восходящий к античной эпической поэзии.

Два раза... — Значение «два» символично для Фотиса; он часто указывает на то, что двойственность стоит в основе мистического опыта.

...облетев ее, он подал верный знак... — Фотис описывает случай, когда перед Евхаристией, т. е. Литургией, которая служится на Афоне ночью, его голову облетела летучая мышь. Образ летучей мыши как предвестника встречи с Богом находит параллели в античной поэзии, где перед появлением божества сами собой расцветали цветы, сбегались животные и прочее (см. также выше, прим. 2 к С. 51.).

...Чтоб Чашу дивную к устам поднес я, аромат... — Т. е. евхаристическую Чашу.

...Он был воинственно лучист, но кроток, как родник. — Когда Фотис пишет о том, что хитон Христа был одновременно и «воинственен» и «кроток», он говорит о тождестве различных качеств в Боге (Ареопагит, Ангеликуд).

...Сжимала посох небольшой священная рука. — Такие священные посохи носили суфийские учителя.

...Он был как молнии перун, электрою литой... — Электра — сплав золота и серебра.

...Как будто бился Ты со мной, с Тобою бился я. — Ср. Быт. 32, 24.

...И помысел смутился мой, не устояв во мне. — Т. е. мысль.

...Но вдруг, Владыка дивный мой, Ты выправил его... — Т. е. выправил некий согнувшийся и искаженный помысел.

...Колено выпрямив, на уд наставил тихо мой. — Здесь идет речь о мгновенном исцелении «страстного начала», выраженного в чисто физиологических образах. Маленький посох ассоциируется с «удом». См. также герметическую традицию.

...Любя тебя, даю вино страданью твоему... — Так Фотис обращается к своему Старцу.

...А Луч зовет к молитве нас, ввергающий во Тьму. — Под «тьмой» вновь подразумевается «божественная» тьма у Дионисия Ареопагита.

Я сначала отверг тебя, негодуя... (С. 54.)

Я сначала отверг тебя, негодуя. — Стихотворение написано от имени Бога. Этот прием характерен для византийской традиции, встречается в

«Гимнах» Симеона Нового Богослова. Стихотворение написано в виде маленького трактата о владении мечом и чем-то напоминает «знаменитые» истории самураев (см., например, книгу Миямото Мусаси). Аллюзия на китайскую поэзию подтверждается дальнейшем эпитетом «нефритовые травы».

...*Мне твои сущности разве не любы?* — См. учение о сущностях у свт. Паламы. Вероятно, правильнее было бы выразиться: «твоя сущность», в единственном числе. Слово, скорее всего, используется как pluralis poeticus.

...*Я учил тебя сталью, умерив движенья.* — Т. е. мечом.

...*Ты хотел ко груди Моей черной пробиться...* — Т. е. окутанной божественным мраком.

Ложе ума устелил златотканым шафраном... (С. 55.)

...*Ночь всю прождал мотылька Твоих уст, мне желанных...* — Здесь аллегорически подразумевается «поцелуй» Бога.

...*Мраком к отрогам влекли Твои черные розы...* — Черные розы — один из излюбленных мистических образов, используемых Фотисом, является символом божественной красоты. Скорее всего, этот образ заимствован из суфийской поэзии (см. выше о «черном» свете).

...*Чащу...* — Образ восходит к эллинистической поэзии (чаща как обиталище сатиров и прочих демонических существ), а также и к средневековой. У Фотиса «чаща» используется и как положительный образ, как символ человеческой плоти, озаряемой божественным светом, или как некое таинственное святилище Божества.

...*Твой луч озарит, взор угасит огонь бесконечный.* — Образ луча (ἀκτίς) заимствован, вероятно, из богословия Дионисия Ареопагита.

Ночь, раввуни́... — Евр. «учитель». Так Мария Магдалина обратилась к воскресшему Христу (Ин. 20,16).

...*Ты удержишь: Навин ведь сиянье исхитил...* — Здесь, вероятно, Иисус Христос сравнивается с Иисусом Навином, который удержал солнце (Иис.Нав.10,12). Христос, напротив, удерживает ночь.

...*На левитоне ума только слез жемчуга я рассыпал.* — Левитон — длинное монашеское одеяние.

...*Дискос луны от страданья из тверди во пропасти выпал...* — Дискос — в литургической практике один из священных сосудов.

Прекрасно петь в объятьях ночи гимны... (С. 56.)

Прекрасно петь в объятьях ночи гимны... — Вероятно, аллюзия на дионисийские мистерии, когда устраивались факельные шествия и воспевались гимны Вакху.

«Кто утешит меня теплом плоти своей...» (С. 57.)

Умри, и тепло Солнца... — Речь об Иисусе Христе.

Среди цветов, что спят в жаре полудня… (С. 58.)

…Заснувший ветер, похоронный ветер… — Образ, характерный для прозы К. Пападиамандиса.

…Хоронят, чтобы в мраке распустились… — Здесь описываются «похороны» мотыльками бутонов цветков. С одной стороны, этот образ чем-то близок к традиционным греческим плачам по усопшим, с другой, — представляется суфийской аллюзией, связанной с соловьем и розой.

Нежнее лепестков… (С. 59.)

…И перстов эос… — Ср. постоянный рефрен «Илиады» Гомера — «розовоперстая Эос» (богиня зари).

Море нежно шелестело… (С. 60.)

Море нежно шелестело… — Стихотворение написано в виде идиллии, посвященной смерти двух стариков.

Желание, не броди… (С. 61.)

Желание, не броди… — «Желание» противопоставляется любви. «Тень смоковницы» (ср. Мк. 11,21) символизирует отголосок греховного помысла.

…У каливы моей одинокой. — Калива (греч.) — отдельная постройка для проживания одного-трех монахов.

Пожалей пьяницу, Виночерпий… (С. 63.)

Пожалей пьяницу… — «Пьяница» — в суфийской поэзии — человек, причастный к таинственному учению.

…Виночерпий… — Виночерпий — здесь Бог-Отец.

…Я буду терпеть эти муки, Отец и Жених! — Фотис сравнивает Бога Отца с Женихом души Иисусом Христом.

Росы благоухания покрыли… (С. 64.)

…Чело Возлюбленного… — Символика «Песни Песней».

…Чем я потерялся от их смысла! — Традиционно суфийское выражение. Вероятно, намек на одно из мистических состояний суфиев, которое определяется словом «хал», т. е. потеря мира.

…Которого я знал Безымянным прежде познания… — Вероятно, намек на учение Дионисия Ареопагита о безымянности Бога или некоем сверхимени Бога.

Укроет одежда из шерсти… (С. 65.)

Укроет одежда из шерсти… — Одежда из шерсти «суф». По самой распространенной версии, именно от этого корня образовано слово «суфий», которое переводится как «валяльщик шерсти».

С Тобою ждал свиданья, о Триада! … (С. 66.)

С Тобою ждал свиданья, о Триада! — Т. е. Святая Троица.

...И грешник пригубил от горней Чаши... — Чаша у Фотиса символизирует не только евхаристическую чашу, но и вообще представление о причащении Божественному.

...Жемчужный Ливнь То Солнце покрывал... — Здесь Фотис, вероятно, говорит о божественной благодати.

...Прохлада рос Его жар крыльев остужала... — Возможно, образ взят из платоновского топоса о «любовной окрыленности» (см. выше).

...И я смущен, средь серебристых струй... — Вероятно, речь идет об общем для святоотеческой литературы понятии — учении о струении (бурлении) святого Духа (Симеон Новый Богослов, Ангеликуд).

...Без уст уста мои вкусили поцелуй... — «Поцелуй» символизирует мистическое приобщение.

...Прикосновение Дыхания к губам... — Т. е. Святого Духа.

О, Феникс Неприступный мой, Господь! ... (С. 67.)

О, Феникс Неприступный мой, Господь! — Одно из придуманных Фотисом имен для Христа.

...Смешал с Вином Ты, в Кубок собирая... — Евхаристическое вино, т. е. кровь Христа, и, с другой стороны — то вино, которое будут вкушать праведники в Раю, т. е. божественный нектар (у Ангеликуда).

Я в дом приехал Неземного Друга... (С. 68.)

Я в дом приехал Неземного Друга... — Еще одно из имен, которое употребляет Фотис в отношении Христа.

Откинь, о Царь, плат черный «бедуинки»! — Ср. Песн. 1, 4.

Творец любви... (С. 69.)

...Она, как дева, жаждет барки уст. — «Барки уст» — загадочное словосочетание, обозначающее поцелуй. Возможно, здесь игра русских и персидских слов — в таком случае странный фрагмент можно интерпретировать как сочетание четырех персидских слов «бар ке у-ст», которое можно перевести как «плод, который есть Он», т. е. Господь. Возможны и другие варианты перевода-интерпретации.

Я стоял на улочке Урано́полиса... (С. 70.)

Я стоял на улочке Урано́полиса. — Урано́полис (греч. «небесный город») — небольшой греческий город, расположенный рядом с горой Афон.

С чем сравнится "любовник табризского льва"? ... (С. 72.)

С чем сравнится «любовник табризского льва»? — «Любовником табризского льва» Фотис называет великого суфия Маулану (Джалаладдина Руми), учителем которого был знаменитый суфий Шамс из Табриза, убитый завистниками. После его смерти Руми почувствовал, что душа учителя вселилась в него, и стал писать стихи от имени Шамса.

...*С «цареградской красой», полюбившей Христа?* ... — «Цареградская краса» — великий богослов и мистик Симеон Новый Богослов» (замечание Фотиса на полях рукописи).

...*Тот погасшее солнце устами возвел в небеса*... — Речь идет о Руми, который увековечил имя своего учителя своими мистическими поэмами.

...*От Христовой красы, от табризского льва.* — Таким образом, Фотис признает сильное влияние на него не только Симеона Нового Богослова и исихастов, но и суфийской мистики (Руми).

В аде жизни внезапно Любовь потянула прохладой... (С. 73.)

...*Все остальное было ложью и сексом рассудка!* — Фотис вводит особое понятие «секс рассудка».

Глупец тот, кто взор сердца... (С. 75.)

...*Устремляет к подобью.* — Стихотворение написано в контексте учения неоплатоников (в частности, Плотина) об Едином.

Я спрятался в тень гор седых... (С. 76.)

...*И авра овевала отрешенно*... — Т. е. ветерок.

...*Твое немеркнущее Имя.* — Речь идет об Имени Божием.

...*Солнце, объятое предперстьями Навина!* — Бог-Отец сравнивается с солнцем, а Иисус Навин, остановивший солнце, указывает на образ Христа.

Ты сладкое вино взрастил в лозе Своей... (С. 77.)

...*Воздерживался я, но ныне не сумею.* — Это стихотворение, где говорится о вине, любви, и одновременно дается намек на евхаристическую Чашу, написано монахом Елисеем в стиле «хамрият», т. е. в стиле суфийской мистической винной поэзии. Причем евхаристическую Чашу, под которой он часто подразумевает самого Христа, он сравнивает с розой («поет над чашей нежно соловей»). Повторяя выражение «воздерживался я, но ныне не сумею», т. е. воздерживался от вина, Фотис переводит в христианскую область характерные для суфизма образы мистического винопития и, вероятно, толкует это винопитие в отношении Тела и Крови Христовых (евхаристически).

Сойди, о Смелое Небо, во гроба зловонную мглу... (С. 79.)

...*Мертвым устам говорить страстные речи.* — Мотив «живого трупа» или «влюбленного трупа». Этот образ восходит, вероятно, к Симеону Новому Богослову (Гимн 1, стр. 95). См. также Джона Донна, Т. С. Элиота.

Предавший много раз Твою любовь... (С. 80.)

...*Что вся любовь божественного Павла*... — Т. е. апостола Павла.

...*Не разгорится эроса огнем*... — Ср. Лк.12, 49.

Облачный сад расцветает... (С. 81.)

Облачный сад расцветает... — Одно из знаменитых стихотворений Фотиса, посвящено его учителю, старцу Симеону. Выражение «облачный сад» очень характерно для китайской и японской поэзии. Горы в облачной дымке — традиционное описание весны. «Облака» как символ буддийского рая часто входили в название монастырей, например «Обитель Облачных Врат» (Уммонъан) 雲門庵 — небольшой монастырь в Сакаи, где в 1460-е годы жил известный монах, поэт и наставник Иккю Содзюн (1394—1481). Далее идет описание Афона.

...*Вторую природу...* — Речь идет о человеческой природе Христа.

...*Это облако из сада Его страсти.* — Понятие «сад страсти» относится к суфийской мистической поэзии.

Учитель, над Афоном вознеслась Луна... (С. 82)

...*Учитель, над Афоном вознеслась Луна...* — Луной в суфийской поэзии часто называется лик Божества или вообще Божественная красота. У Фотиса луна — мистический символ, а иногда и обозначение Бога.

...*С Луной...* — Т. е. с Богом.

...*обнявшийся, как истинный ашик.* — Ашик (букв. «влюбленный») — возлюбивший Бога.

...*Свет лунный...* — Вероятно, под «светом луны» монах Елисей понимает Божественный нетварный свет, т. е. божественные энергии (у Паламы).

...*эта винная ахфа...* — Ахфа — сокровенное сознание в суфизме; «самое тайное».

На белом песке в полуденной жаре... (С. 83.)

...*Солнце черное...* — Фотис снова возвращается к теме «божественного мрака».

...*лишь теплый ветер...* — Здесь речь о воздействии Святого Духа.

...*А луч луны — в крылах сердец волненье.* — Т. е. Божественный свет.

Я с ароматным львом сражусь во мраке... (С. 84.)

Я с ароматным львом сражусь во мраке...— Один из «зашифрованных» образов Фотиса. Под «благоухающим львом» он, скорее всего, подразумевает плотскую страсть, само «благоухание» льва противопоставляется благоуханию Христа (ср. 2 Кор.2, 15).

Он мне постелит мраморное ложе... — «Ложе» символизирует расслабленность и сибаритский гедонизм.

...*Он станет блеском и, мой ум тревожа...* — Под «блеском» Фотис подразумевает блеск демонический (ср. «Люцифер» — «несущий сияние, блеск»).

...*Все будет петь, чтоб я Тебя забыл.* — Здесь очевидно подразумевается некое жреческое пение, которое использовалось для инициации посвященных в мистерии у язычников; кроме того, пение ассоциировалось с неким преддверием к эротическому наслаждению в эллинистической поэзии.

...Но меткий дрот Твоей любви нетленной... — Образ происходит из гимнов Симеона Нового Богослова, где божественный свет врезается в ум как некий дрот, т. е. маленькое короткое копье (Гимн 27, стр. 78–80). Образ характеризует любовь Христову, причем Христос сравнивается с неким охотником (Гимн 5, стр. 42), который (уже в поэзии Фотиса) берет череп того, кого поразил, в руки как своего рода «трофей» («И череп мой ... возьмут лучистые Твои персты»). Здесь также заметна некая коннотация с эллинистическим мифом о Дионисе (у Нонна Панополитанского).

Луна-луна, прекрасная луна! ... (С. 85.)

...В руинах ветер чуть колышит палий... — Паллий (лат. pallium) — священническое облачение.

Господи, устали слова любви... (С. 86.)

...Завтра безумец отдастся локонам... — «Локон» восходит к мистическим образам Божественной красоты в суфизме.

...В синих снегах заблестят глаза Афона. — Гора Афон ставится в ряд священных Библейских гор, таких как Синай и Ермон (ср. Пс.132, 3).

Нектар любовный ночи в кубке света... (С. 87.)

...Ты дал, Возлюбленный, испить. — Стихотворение написано в жанре «хамрият» суфийской поэзии вина и опьянения.

...В сребристых росах Утешитель... — Одно из наименований Святого Духа.

...Хитона черного с плеч совлекать струи. — Экспрессивный и символический образ Божественной любви, противопоставленный любви плотской. Несет на себе влияние «эротических» аллегорий багдадской школы суфизма.

Прекрасная лазурь сияющего утра... (С. 88.)

...Что среди гор, словно сиринга, плачет. — Сиринга — тростниковая флейта.

Я хочу умереть у стоп Его... (С. 89.)

Я хочу умереть у стоп Его... — Одно из ярчайших мистических стихотворении Фотиса, написанных в псевдо-кавафианском стиле: внешняя грубо «эротическая форма» явно контрастирует с внутренним глубоко мистическим содержанием.

По одной тропинке дикой... (С. 90.)

...Старец. Воздух чистый пил он... — Некоторые афонские старцы перед смертью уходили ближе к вершинам Афона или в горные леса Святой горы, чтобы умереть незамеченными.

Упали волосы на сиянье парчи... (С. 91.)

У*пали волосы на сиянье парчи...* — Традиционный суфийский образ.

...Я увидел Солнце... — Т. е. Бога.

...в чаще... — Возможно, под «чащей» поэт подразумевает то, что античными философами называется «ὕλη», — вещество, материя, дословно «лес, древесина».

...Я спросил: «Что есть любовь?» — Аллюзия на вопрос Понтия Пилата, обращенный к Христу: «Что есть истина?» (Ин.18, 38).

...Птичка забилась в силках... — Суфийская символика.

Страсти уходят, как тени пустых развалин... (С. 92.)

...Не упадут, развязавшись, сандалии... — Отсылка к ответу Иоанна Крестителя ученикам, в котором он говорит, что не достоин развязать сандалии Христа (Мк. 1,7). Развязывание сандалий обретает в контексте эллинистической поэзии также некое любовное наполнение.

...Губка росой коснется груди, что пылала вчера. — Тема смерти для прежней жизни, смерти ума, сопрягается с эротической. Образ пылающей груди относится к мотивам суфийской поэзии, а образ губки — восходит к евангельскому эпизоду, где говорится о том, что губку, наполненную уксусом, подали Христу на кресте (Ин. 19, 29). Известен также обычай омовения тела отшельников после смерти губкой.

Гневайся, послушник, рви в гневе застежки... (С. 93)

Гневайся, послушник, рви в гневе застежки... — Под «послушником» подразумевается чувственное начало.

...Вот кинжал, осыпанный нефритовой росой... — См. первое примечание к стихотворению «Слезы Возлюбленного по мне стали нефритовой росой» (С. 39).

Солнце, уйти я хотел, Солнце... (С. 94.)

Солнце, уйти я хотел, Солнце... — Т. е. покончить жизнь самоубийством.

Взял Ты меня в черную постель... — Одна из самых смелых и дерзких аллюзий Фотиса на образы Дионисия Ареопагита. Под «черной постелью» он понимает некое божественное наслаждение общением с Богом, характерное для поздней исихастской литературы, а также понятие о божественном мраке, который окружает Божество. Эту «постель» монах Елисей также называет «колыбелью поцелуев» Божества, т. е. тем местом, где Бог спасает души, которые стремятся к собственному уничтожению, и открывает божественные тайны.

...Падшим телом, и это — бóльшая кара. — Здесь Фотис сравнивает себя с блудницей, которой все пренебрегают из-за ее нечистоты, при этом говорит о том, что Бог не пренебрегает никем. При этом воздействие на душу и на тело непостижимой любви Бога он называет «карой», «наказанием».

Двое знают о ней, но Они — с Тобою и Ты! — Т. е. о божественной любви. Здесь Фотис говорит о двух других ипостасях Святой Троицы (Боге Отце и Святом Духе), которые образуют неразрывное единство, т. е. *монаду*.

Утрата желания желаемого — боль… (С. 95.)

…Утрата желания в Желаемом — высоко… — Здесь говорится о наказании Богом согрешающей души. Оно заключается в том, что Бог «притворно» «перестает любить» душу и это является высоким обучением души.

Дрогнули складки одежд. Свет безмолвье залил… (С. 96.)

…Моей Мучительной Страсти… — «Раздув волосы… страсти». Характерный для суфиев образ прекрасной девы как «объекта стремления», т. е. Божества.

…дуновением света. — Скорее всего, идет речь о Святом Духе.

О, Возлюбленный Мужчина… (С. 97.)

О, Возлюбленный Мужчина… — Фотис говорит о «богомужней энергии» Христа (Дионисий Ареопагит, Максим Исповедник). С другой стороны, под словом «Мужчина» подразумевается представление о Женихе Христе и невесте душе, характерное для исихастских текстов (Симеон Новый Богослов, Ангеликуд).

Ожили улицы полу́ночных Салоник… (С. 99.)

…Красивого «краси», чтобы забыться? — «Краси» (новогреч. *κρασί*) — вино.

Бог нас целует, слезы утирая… (С. 101.)

…Непостижимого, страдающего Солнца. — Т. е. Иисуса Христа.

Любимый отец, да умолкнут слова… (С. 103–107.)

Любимый отец, да умолкнут слова… — Стихотворение посвящено Старцу.

…От страданья тоски по тебе безысходной, о, воин. — Воином, т. е. воином Христовым Фотис называет своего Учителя.

…Распяли руки мои кастаньеты безбуквенных слов. — Фотис сравнивает кастаньеты на руках с прибитыми ко кресту руками, которые он именует «безбуквенными словами».

…Облачко прилетело ко мне жемчуговосладкое с Востока… — Под облачком, скорее всего, он подразумевает как божественную благодать, так и самого Бога и Иисуса Христа.

…Унесло из глаз Оно пророка и Себя, унесло далёко: так вырывают меч! — «Пророком» монах Елисей называет своего Старца.

…Дало надежду мне — часть твоих одежд, черную ночь. — Традиционное место, где монах Елисей ассоциирует себя с пророком Елисеем, а своего учителя — с пророком Илией, который, возносясь на небо, бросил своему ученику часть своих одеяний (4 Цар.2, 14), пообещав большую благодать, чем была у него (4 Цар. 2, 9).

…надприродно и надмирно… — Определения, характерные для святоотеческого богословия (паламизм).

...*Той девы, которой я притворился...* — «Вино», т. е. некое божественное созерцание не может быть воспринято («кораллы спугнуло губ»). Фотис пишет о себе как о некой «деве», которой он притворился, — образ, характерный для исихазма в его представлении о Женихе Христе и невесте душе. Маска души — истина ее образа. Здесь видно влияние философии Плотина. Фотис часто использует понятие «маска», обозначая некое состояние («ката́стасис»), в котором постигается божественное. Под «маской души», вероятно, также понимается истинное состояние, т. е. истинный образ души, который отличается от «обличия души», т. е. обыденного представления о ней.

...*Оно мучает меня любовью каждый нисан недели...* — Первый месяц библейского года; в нисан (евр. ניסן) был распят и воскрес Христос.

...*Я стал посмешищем всех, изгнан всеми, плешивый...* — Намек на пророка Елисея (ср. 4 Цар. 2, 23).

...*За пазухой несчастливого воина-книжника...* — Японская тема ученого самурая. Хризантема (яп. «кику», 菊) — в японской традиции цветок смерти, чистоты, символ Императорского дома.

...*«Бусидо» шафранное в багрянице...* — «Бусидо» (яп. 武士道) — букв. «путь воина», этический кодекс поведения воина (самурая) в средневековой Японии. Кодекс «Бусидо» требовал от воина безусловного подчинения своему господину и признания военного дела единственным занятием, достойным самурая. Кодекс появился в период XI—XIV веков и был формализован в первые годы сёгуната Токугава. В японской традиции нет образа «шафранное бусидо», но самим поэтом ранее использовано выражение «златотканый шафран». Возможно, в сознании поэта это синоним «золотое бусидо» — по ассиоциации с золотом самурайских мечей или золотых родовых гербов «мон» 紋, которые крепились на самурайских кимоно.

...*Отлучив меня от Своих алтарей светоуханных...* — Т. е. «благоухающих светом».

...*Пишет Грета Гарбо: «You'll have to be quick...», и не больше.* — «Ты должен поторопиться!» (англ.).

...*От безысходности ума, пойманного благоговейной странной Рыбой.* — Т. е. Христом.

...*Ибо ты убил меня, болезнь во мне... Луноликий самурай!* — Так Фотис называет своего старца Симеона.

...*Мальчик открыл твоему мальчику-Елисею всё.* — Т. е. Иисус Христос.

...*Так я люблю тебя, о Мальчик Мальчика, безымянно и надприродно...* — Так Фотис называет своего Старца.

...*Оботри слезу, мудрец, слезу Елисея, сына Сафата.* — Ср. Чис.13, 6 (вероятно, здесь Фотис тайно намекает на имя своего Старца).

...*К Иви́рским отрогам и там умолял Пресвятую, давая обеты...* — Т. е. к афонской обители Ивирон.-

Содержание

Территория солнца (*А. Тавров*) 7
«На берегу Ты снасти сушишь, Боже...» 15
«Почему я так нечист? Скажи, не скрой...» 16
«Плоть рвет душу мою у цветущего Парадиза...» 17
«Не думайте, что умерла любовь...» 18
«Я уже не тот, Господь...» 19
«Пой сладко, Давид, когда горько Саулу...» 20
«Как тяжелы последние слова...» 21
«Среди цветов, что спят в жаре полудня...» 22
«Приди, как сиянье бирюзовых морей, залей небеса...» 23
«Мальчик, прийди, горнеликий...» 24
«Капельки дождя во вкрадчивом веяньи ветра...» 26
«Меня учил не унывать Владыка...» 27
Метамо́рфосис двенадцати котов 28
«Ко всей земле ревную я тебя...» 32
«Сказав мне “усни, засыпай, о ученый”...» 33
«Я с высей чистых ниспадаю вниз...» 34
«Когда о любви к тебе думал и думал...» 35
«Прекрасен серп луны над головою...» 36
«Взмахни крылами, пророк, упорхни мотыльком...» 37
«Мучительная Страсть, тихая Любовь...» 38
«Слезы Возлюбленного по мне стали нефритовой росой...» 39
«Ко мне не подходи! Я нынче пьян...» 40
«Когда развалины в сетях плющей черны...» 41
«И ты пригубишь этой жизни яд...» 42
«Иерихонскими розами грудь твоя расцвела...» 43
«Ты умер. Я же болью пьян своей...» 46
«Черная ночь светла...» 47
«Ты умер, но в ночи благоуханной...» 48
«Возлюбленного винные персты...» 49

«Прильнувший к кубку, мотылек упал...» 51
«О, знойный жизни этой свет так истомил меня...» 52
«Я сначала отверг тебя, негодуя...» 54
«Ложе ума устелил златотканым шафраном...». 55
«Прекрасно петь в объятьях ночи гимны...» 56
«Кто утешит меня теплом плоти своей...» 57
«Среди цветов, что спят в жаре полудня...». 58
«Нежнее лепестков...» 59
«Море нежно шелестело...» 60
«Желание, не броди...» 61
«Вот лев крадется в чаще, где ущелья...» 62
«Пожалей пьяницу, Виночерпий...» 63
«Росы благоухания покрыли...». 64
«Укроет одежда из шерсти...». 65
«С Тобою ждал свиданья, о Триада...» 66
«О, Феникс Неприступный мой, Господь! ...». 67
«Я в дом приехал Неземного Друга...» 68
«Творец любви ...» 69
«Я стоял на улочке Урано́полиса...» 70
«Пряная нежность безмолвья все чище и чище...» 71
«С чем сравнится “любовник табризского льва”? ...» 72
«В аде жизни внезапно Любовь потянула прохладой...» 73
«Спрячь, о небо, медоточивые ласки...» 74
«Глупец тот, кто взор сердца...» 75
«Я спрятался в тень гор седых...». 76
«Ты сладкое вино взрастил в лозе Своей...» 77
«Небо в скалах...» 78
«Сойди, о Смелое Небо, во гроба зловонную мглу...» 79
«Предавший много раз Твою любовь...» 80
«Облачный сад расцветает...». 81
«Учитель, над Афоном вознеслась Луна...» 82
«На белом песке в полуденной жаре...» 83
«Я с ароматным львом сражусь во мраке...» 84
«Луна-луна, прекрасная луна! ...» 85
«Господи, устали слова любви...» 86

«Нектар любовный ночи в кубке света...» 87
«Прекрасная лазурь сияющего утра...» 88
«Я хочу умереть у стоп Его...» 89
«По одной тропинке дикой...» 90
«Упали волосы на сиянье парчи...» 91
«Страсти уходят, как тени пустых развалин...» 92
«Гневайся, послушник, рви в гневе застежки...» 93
«Солнце, уйти я хотел, Солнце...» 94
«Утрата желания желаемого — боль...» 95
«Дрогнули складки одежд. Свет безмолвье залил...» 96
«О, Возлюбленный Мужчина...» 97
«Последний плач многогреховной жизни...» 98
«Ожили улицы полу́ночных Салоник...» 99
«Чащи Парадиза темны и пустуют...» 100
«Бог нас целует, слезы утирая...» 101
«Золотая любовь Твоя...» 102
«Любимый отец, да умолкнут слова...» 103
Комментарии 108

Фотис Тебризи
(монах Елисей)

ЧЕРНОЕ СОЛНЦЕ ЭРОСОВ

Книга стихотворений

Литературный редактор О. Дарк

Поэтическая серия «Русского Гулливера»

Руководитель проекта Вадим Месяц

Главный редактор серии Андрей Тавров

Макет и верстка Валерий Земских

Комментарии составлены
Д. Поспеловым,
А. Волчкевич,
Али Резой (А. Савиным)
и П. Кочуговой

«Русский Гулливер»
тел. +7 495 159-00-59
www.gulliverus.ru
russian_gulliver@mail.ru

Подписано к печати 01.08.2009. Формат 140 × 200.
Бумага офсетная. Гарнитура NewtonC.
Печать офсетная. Тираж 300 экз.

Отпечатано с готового оригинал-макета в типографии «Cherry Pie»
112114, г, Москва, 2-й Кожевниковский пер.,12